

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЗАКОН
ТРЕХ ОТРИЦАНИЙ

ВЕРБ

Каменская

Александра Маринина
Закон трех отрицаний

«Автор»

2003

Маринина А.

Закон трех отрицаний / А. Маринина — «Автор»,
2003 — (Каменская)

ISBN 5-699-03549-4

Насте Каменской не повезло – она попала в аварию. Скоро ее выпишут из госпиталя, но сломанная нога все болит и болит, так что Настя передвигается с большим трудом. Она решает обратиться к специалисту, использующему нетрадиционные методы лечения. Но когда Настя звонит по нужному телефону, выясняется, что этот специалист убит. А тут еще одна неприятность. После госпиталя Насте негде жить: ее квартира занята неожиданно нагрянувшими родственниками. Так Настя оказывается на даче у знакомого, где совершает лечебные прогулки и развлекает себя обсуждением с коллегами подробностей очередного громкого убийства молодой кинозвезды. И вдруг она с ужасом обнаруживает, что за ней кто-то следит...

ISBN 5-699-03549-4

© Маринина А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	40
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александра Маринина

Закон трех отрицаний

Глава 1

Мимо шли ноги и почему-то не останавливались. Сначала торопливо прочмокали по размокшей октябрьской грязи изящные лакированные ботиночки на скошенных каблукках и с длинным узким «клоунским» носиком, неся свою владелицу к домашним уютным хлопотам. Потом вальяжно и неслышно прошествовали четыре мохнатые лапы, с чувством высокомерного достоинства влекущие за собой пару растоптанных грязных сапог, в далеком прошлом именовавшихся женскими демисезонными сапожками. Еще одна четверка лап, на сей раз маленьких, бело-черных, промелькнула с надрывным мяуканьем в противоположном направлении, явно спасаясь от больших и мохнатых. Были и другие ноги, в ботинках и туфлях, в кроссовках и сапожках. В брюках, джинсах, колготках. Одни проходили далеко, другие совсем близко. Но не остановился никто. Никто почему-то не хотел в двенадцатом часу ночи стоять под морозящим ледяным дождем и пристально разглядывать грязь во дворе между металлическими коробками гаражей. Все хотели домой, к теплу, еде и остаткам телевизионных радостей. Да и этих «всех» было немного, основная масса обитателей жилого массива в центре Москвы давно уже вернулась домой.

Тело убитой женщины лежало на мокрой, покрытой жалкими клочками жухлой травы земле, отчаянно одинокое, никем не замеченное и никому не нужное. А ведь еще два часа назад это была живая женщина, веселая, остроумная, любимая друзьями и огромным числом людей, которым она помогала. Отчего-то так случилось, что именно сегодня никто не забеспокоился и не кинулся ее искать, не забил тревогу, не поднял на ноги милицию. Впрочем, ничего необычного в этом не было, ведь женщина эта жила одна и дома ее никто не ждал. А если кто и звонил настойчиво по ее домашнему телефону, то ничуть не удивлялся тому, что она не снимает трубку. Она никогда не отвечала на звонки во время работы. Работала она чаще всего дома, в экстренных случаях – и поздно вечером, и даже по ночам.

Правда, в последние два месяца в ее квартире жил молодой парень, приходявшийся ей каким-то многоюродным племянником. Но и он не ждал и не искал свою родственницу. Ему было все равно. Он был пьян.

* * *

– В пятницу будем вас выписывать, – хмуро закончил беседу лечащий врач.
– И потом что? – глупо спросила Настя Каменская. – Сразу на работу?
– Что, не терпится? – впервые за все время на его лице проступило нечто похожее на усмешку.

– Да нет, я не в том смысле... – Настя смешалась и не сразу нашла нужные слова. – Просто нога очень болит. И с палкой на работу ходить неудобно, а возить меня некому.

– Никто вас на работу и не пустит. Как минимум месяц нужен на реабилитацию. Будете понемногу ходить, увеличивая нагрузку. Ну и массаж, физиопроцедуры, это уж само собой. Я вам перед выпиской сделаю все назначения.

Она испытала одновременно облегчение и стыд. Как хорошо, что еще целый месяц можно не ходить на работу! И как стыдно и противно, что она этому радуется.

Однако перспектива скорой выписки ставила перед Настей почти неразрешимую проблему. Собственно, проблема как таковая существовала уже три недели, но, пока Настя лежала

в госпитале, о ней можно было не думать. Дело в том, что три недели назад в Москву совершенно неожиданно нагрянули родственники из маленького провинциального городка – муж, жена и двое детей. Старшему ребенку, двенадцати лет от роду, требовалась срочная и сложная операция, которую могли успешно сделать только в столичной клинике. Обезумевшие от горя и страха супруги подхватили заболевшего сына, а заодно и пятилетнюю дочь, которую не с кем было оставить, и ринулись в Москву, рассчитывая на гостеприимство Настиных родителей. И надо же такому случиться, что Настины мать и отчим еще летом затеяли какой-то сверхсложный ремонт с целью превратить двухкомнатную квартиру в трехкомнатную. Мастера клялись и божились, что уложатся в два месяца, и доверчивые хозяева с легким сердцем переехали к друзьям, выразившим готовность предоставить им свою городскую квартиру, поскольку сами они все лето жили на даче. Однако наступил сентябрь, потом октябрь, а ремонт все продолжался. И если для Настиных родителей и их друзей такая ситуация выглядела всего лишь как временное неудобство, то для приехавших с больным ребенком родственников это оказалось сродни катастрофе. Платить за гостиницу они не могли. Стоит ли объяснять, что поселились они у Насти в однокомнатной квартире, в то время как ее муж Алексей временно вернулся в Жуковский к своим родителям. Случилось это тогда, когда сама Настя уже валялась в госпитале со сломанной ногой.

И вот теперь надо возвращаться... Куда? В крошечную «однушку», где и без нее не толкнуться? Ехать к Лешке в Жуковский и сваливаться обузой на его стареньких больных родителей, которые сами нуждаются в уходе? Она ведь еле ходит, в час по чайной ложке, да и то с палкой. И потом, как она будет ездить из Жуковского в поликлинику на массажи и процедуры, которые зловеще пообещал ей доктор? Из дома и обратно можно доехать на такси, накладно, конечно, но их бюджет выдержит, если не каждый день. А из пригорода как добираться?

Вообще-то Настя Каменская не предполагала, что проблема обретет такую остроту. Когда родственники поселились в ее квартире, она была уверена, что после выписки будет жить с мужем именно в Жуковском, и перспектива поездок на электричке ее нисколько не пугала. Просто она не ожидала, что к моменту выхода из больницы почти не сможет ходить. Ей казалось, что пусть с палкой, пусть не быстро, но она сможет передвигаться без особых трудностей. Ан нет, сломанная нога упорно не желала выздоравливать. Она болела так отчаянно, так неистово и самозабвенно, что врачи только диву давались. Уж чем только Настю не лечили, чего только не придумывали госпитальные хирурги, но упрямая нога не поддавалась. Ей даже советовали обратиться к каким-нибудь целителям или знахарям, может, помогут. Правда, советы эти исходили не от врачей, а от сочувствующих из числа больных и их родственников. Они наперебой рассказывали о невероятных исцелениях, приворотях, снятиях порчи и прочих чудесах, вызывавших у самой Насти стойкую недоверчивую неприязнь. Настя, закончившая в свое время физико-математическую школу и юридический факультет университета и проработавшая больше пятнадцати лет в уголовном розыске, получила жесткое атеистическое воспитание и верила только в традиционную медицину, да и то не безгранично, ибо понимала, что и медицина может далеко не все.

Да, с ногой надо что-то делать... Для решения возникшей проблемы было только два пути: либо искать жилье где-то в Москве, желательно поближе к поликлинике, либо искать способ максимально быстро уменьшить нестерпимые боли, возникающие при ходьбе, чтобы получить возможность самостоятельно передвигаться, и тогда можно жить с Лешей в Жуковском. О том, чтобы снять квартиру, и речи нет, такие расходы они не потянут. Сейчас у них с мужем трудная в финансовом смысле полоса. Да и кто сдаст квартиру всего на месяц? Наипаче. А выпишут уже в пятницу, то есть через три дня.

Конечно, Настя была человеком разумным и понимала, что неразрешимых проблем нет, есть неприятные решения. Можно жить в одной комнате с родителями больного мальчика

и его пятилетней сестренкой. Можно одолжить денег и ездить из Жуковского и обратно на такси в течение месяца или столько, сколько будет нужно, пока нога не опомнится и не даст возможность более или менее нормально ходить. Можно попробовать все-таки найти квартиру, которую сдадут на короткий срок. Понятно, что это будет дорого, но опять же можно взять деньги в долг, хоть это и претит Насте и противоречит ее правилам. Одним словом, решения у проблемы были, надо только выбрать наименее неприятное.

В таких вот размышлениях и провела она время от утреннего обхода до пяти часов вечера, когда стали приходить посетители. Сама она сегодня никого не ждала, Лешка приезжал вчера и теперь появится только в четверг, ему сложно выбираться каждый день из своего Подмосковья, да и работы у него выше головы. Мама собиралась прийти в среду, то есть завтра. Если только кто-то из ребят с работы заглянет, но это вряд ли, свободного времени у сыщиков немного, а она ведь не на смертном одре, чувствует себя почти прекрасно. Только вот ходить не может.

Первой, как обычно, в палате появилась тихая интеллигентная пенсионерка Изольда Валериановна, ежедневно навещающая свою двоюродную сестру – сотрудницу паспортно-визовой службы. Изольду любили все обитатели трехместной палаты, а также медсестры, санитарки и даже врачи. Вопрос о том, чем же она заслужила такое отношение, оставался открытым, по крайней мере для самой Насти, которая просто каждой клеточкой своего тела ощущала: вот открылась дверь, вошла Изольда Валериановна, и вместе с ней в узкую длинную палату вошел праздник. И не было это связано ни с цветами, ни с конфетами, ни с прочими вкусностями, которые обычно стараются принести в больницу, ни с деньгами, небрежно или, наоборот, смущенно засовываемыми в карманы белых халатов медперсонала. Это не было связано ни с чем эдаким материальным, что можно было бы пощупать, понюхать, съесть или каким-то иным образом использовать в целях получения чисто физических радостей. Моложавая, аккуратно и недорого одетая Изольда Валериановна вся целиком состояла из улыбки, радости и любви к окружающим, и было все это богатство таким нежным, мягким и ненавязчивым, что сопротивляться его силе оказывалось невозможным. Во всяком случае, Настя Каменская чувствовала именно так.

Несмотря на то, что Изольда приходила все-таки к своей сестре, она ухитрялась разговаривать одновременно со всеми, а не только с больной родственницей. При этом настроение у троих обитателей палаты могло быть совершенно разным, от радостно-приподнятого до уныло-подавленного, однако же Изольде Валериановне каким-то совершенно непостижимым образом удавалось соответствовать душевному состоянию каждого.

Через полчаса после появления Изольды уже знала, с какой проблемой столкнулась Настя, хотя сама Настя вроде бы и не собиралась ни с кем свои дела обсуждать и тем более просить совета.

– Вы заметили, Настенька, какой у вас интересный перекося в рассуждениях? – оживленно улыбаясь, заметила Изольда.

– Какой перекося? – не поняла Настя.

– У вас есть тысяча и один вариант на тему того, как вам устроиться, чтобы переждать, пока вы сможете нормально передвигаться. И ни одного варианта по поводу того, как сделать так, чтобы нога побыстрее перестала болеть. А ведь корень проблемы именно в том, что нога сильно болит. Вы же, вместо того чтобы решать именно эту проблему, пытаетесь приспособиться к ней и покорно ждать, пока она сама как-нибудь решится. Вы полагаете, что это правильно?

Насте хватало ума, чтобы понимать, что это, конечно же, неправильно. Но как же ей лечить эту чертову ногу, если даже сами врачи пожимают плечами в недоумении и не понимают, отчего боли, несмотря на все принимаемые меры, так и не делаются слабее. Образование-то у нее хоть и высшее, но все-таки не медицинское.

– Почему бы вам не обратиться к чему-нибудь нетрадиционному? Надо пробовать разные методы, раз уж традиционная медицина вам не помогает.

– В бабок и привороты я не верю, – резко выпалила Настя, стараясь, чтобы на лице не проступила гримаса безразличия.

Уж сколько этих «бабок», «потомственных колдуний» и «ясновидящих» она перевидала, занимаясь раскрытием преступлений, – не перечить! И каждый раз вышеупомянутые персонажи появлялись в уголовных делах не в самом привлекательном виде. Будучи человеком здравым, Настя отдавала себе отчет, что, наверное, действительно существуют настоящие целители, но их очень немного, зато ловких мошенников и подражателей – видимо-невидимо, и в поле зрения уголовного розыска попадают именно они, оттого и впечатление такое складывается, что все это – сплошная липа.

– Я тоже не верю, – согласно кивнула Изольда и снова улыбнулась. – Я верю только собственному опыту. Есть специалист, который мне помог. И некоторым моим знакомым тоже помог. Если хотите, могу дать телефон.

Обижать Изольду не хотелось, поэтому телефон Настя послушно записала, точно зная, что никогда по этому номеру не позвонит. Однако искрящаяся доброжелательностью пенсионерка на этом не успокоилась.

– Зачем же вы прячете бумажку? – проницательно удивилась она, глядя, как Настя засовывает листочек с номером телефона в тумбочку. – Вы хотите попробовать вылечить или нет?

– Хочу, – покорно вздохнула Настя, понимая, что отвертеться теперь никак не удастся.

– Тогда звоните. Прямо сейчас и звоните, у вас же есть мобильный телефон. Если никто не подойдет к телефону, включится автоответчик. Скажите, что вам нужна консультация, и оставьте свой телефон, Галина Васильевна вам обязательно перезвонит, она человек очень ответственный и никогда не оставляет людей без помощи.

Ладно, может, все еще обойдется малой кровью и этой Галины Васильевны и впрямь не окажется дома, а уж потом Настя как-нибудь выкрутится. Какая-то вялая она стала за время пребывания в госпитале, совершенно утратила способность к активному сопротивлению, даже не может сказать «нет, спасибо, не нужно» млейшей Изольде Валериановне. Или дело не в Настиной слабости, а в силе самой Изольды?

Додумать до конца она не успела, потому что в трубке уже после второго гудка раздался мужской голос:

– Слушаю вас.

– Добрый вечер, – машинально произнесла Настя, – я могу поговорить с Галиной Васильевной?

– Простите, кто ее спрашивает и по какому вопросу?

Голос показался Насте смутно знакомым, но процесс распознавания тембра и интонаций отошел на второй план, заслоненный быстрым потоком соображений. Почему этот мужчина разговаривает как секретарь в приемной большого начальника? Это что, рабочий телефон? Вернее, телефон в офисе? Почему в офисе? У Галины Васильевны целительство поставлено на широкую ногу, как промышленное производство? Или она вообще где-то работает, а целительством занимается в свободное от основной службы время? Почему у нее секретарем работает мужчина? Мужчина-секретарь при женщине-начальнице – сочетание более чем странное, она же не министр и не депутат. Или все-таки депутат? Этого только не хватало!

– Я по поводу консультации, – пробормотала Настя, судорожно пытаясь скоординировать то, о чем она думала, с тем, что говорит.

– Консультация какого рода? – настырно продолжал допрашивать ее мужчина, с каждым словом все глубже пропихивая в ее сознание свой голос, почему-то знакомый.

– У меня после перелома сильные боли в ноге, и мне сказали, что Галина Васильевна могла бы мне помочь.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Каменская Анастасия Павловна. – Она уже не могла скрыть раздражения. Позвонила, чтобы сделать приятное очаровательной пенсионерке, а нарвалась на настоящий допрос. Да еще голос этот... Где же она его слышала?

– Аська, ты, что ли? А я слышу – голос вроде знакомый, но думал, что померещилось. Ты меня тоже не узнала, да?

Господи, Коля Селуянов! А он-то что там делает, в этой приемной у крутой начальницы? Неужели сменил розыскную работу на коммерческую зарплату?

– Коля? – недоверчиво переспросила она.

– Ну я, а кто же еще! Ты чего звонишь сюда?

– Так я же сказала – нога у меня болит. А ты что там делаешь?

– Работаю, – Селуянов вздохнул, но как-то странно. Как-то слишком выразительно.

– Это я поняла, – усмехнулась Настя. – Кем? Старшим помощником? Или начальником охраны?

– Да иди ты! – Коля внезапно рассердился. – Работаю я милиционером. Произвожу осмотр жилища потерпевшего.

Насте сразу перестало быть смешно.

– Кража? – коротко спросила она, на всякий случай понизив голос.

– Если бы. Убили твою Галину Васильевну.

Она бросила торопливый взгляд на Изольду, но та была увлечена разговором с сестрой и с другой соседкой по палате – молоденькой девушкой, дочкой какого-то министерского чиновника. Хотя Настя готова была голову дать на отсечение, что Изольда Валериановна внимательно слушает ее телефонные переговоры.

– Коль, ты говорить можешь или попозже созвонимся?

– Пока могу.

– Тогда я сейчас в коридор выйду. Подожди, ладно?

Легко сказать «сейчас выйду». А сделать? Телефон пришлось сунуть в карман штанов от спортивного костюма, потому что одной рукой справиться пока не получалось. Палка, как назло, укатилась под кровать, и доставать ее пришлось, исполняя сложные акробатические этюды. Теперь одной рукой держим палку, другой опираемся на спинку кровати. Так, теперь несем осторожненько хромоногое тело в сторону двери, стараясь не попискивать от боли. Хорошо, что в коридоре нашлось свободное сидячее место прямо рядом с палатой.

– Але, – задыхаясь от произведенных усилий, произнесла она. – Коля, ты еще здесь?

– Да куда я денусь с подводной лодки, – безнадежно пошутил Селуянов. – Ну, рассказывай, кто такая Галина Васильевна и зачем ты ей звонишь.

– Я понятия не имею, кто она такая, мне ее телефон только что дали, сказали, что она может помочь с ногой. Целительница, что ли, или около того.

– А кто дал телефон?

– Тетка одна, пенсионерка. Родственница моей соседки по палате.

– Как зовут?

– Изольда Валериановна, фамилии не знаю. Хочешь с ней побеседовать?

– Может быть. Не сейчас. Потом решу.

Фразы стали короткими и безличными, и Настя поняла, что разговаривать Коле неудобно. Или начальство приехало, или еще какие обстоятельства возникли.

– Ты до сих пор в госпитале или уже дома?

– В госпитале.

– На мобильнике?

- Да.
- Я перезвоню, хорошо?
- Конечно.

Настя снова сунула телефон в карман и откинулась на мягкую дерматиновую спинку казенного диванчика. Возвращаться в палату ей не хотелось, ведь придется сказать Изольде о том, что ее знакомую целительницу убили. Расстроится, бедняжка... Впрочем, сказать все равно придется, избежать встречи с доброжелательной дамой Настя никак не сможет.

* * *

– Вы можете гарантировать, что ситуация будет развиваться именно так, как вы мне тут расписали?

Чуйков старался говорить насмешливо и выглядеть соответственно, но не был уверен, что у него получается то, что надо. Ему ужасно, почти до сердечной боли хотелось поверить этой загадочной красавице, ведь, если она не врет и не ошибается, его фирма одним махом решит множество финансовых проблем. А проблемы эти таковы, что приходится уже прикидывать, как лучше потонуть, сразу или помучиться. О том, чтобы выплыть, и речи нет. Во всяком случае, не было, пока эта дамочка не появилась в кабинете генерального директора в первый раз около недели тому назад. Появилась и с места в карьер сделала предложение, настолько странное, что Чуйков сразу не сориентировался и попросил время, чтобы его обдумать. Она легко согласилась и сказала, что придет через неделю. И вот пришла. Но до чего хороша – глаз не оторвать! Явилась бы она не с деловым предложением, а с каким-нибудь... мягко говоря, интимным, он бы ни секунды не сомневался. Хотя жена регулярно советует ему почаще смотреться в зеркало, дабы не терять объективности в оценке собственной привлекательности, Чуйков упорно продолжал любые проявления интереса к своей особе со стороны женщин считать искренними. Да и в зеркале ничего такого особенно отталкивающего он не видел. Ну плешь. Ну пивное брюшко. Ну рост не самый, можно сказать, баскетбольный. Ну и что?

Однако вопрос (с нужной, как он надеялся, интонацией) Чуйков задал и теперь ждал ответа. А с ответом красавица отчего-то не спешила. То ли пыталась сформулировать его поточнее, то ли испытывала чуйковское терпение. Тем не менее смотрела серьезно и без улыбки.

– Я, господин Чуйков, гарантий дать не могу. Я рассчитываю на прогнозируемость поведения задействованных в комбинации людей. Но люди иногда совершают вовсе не такие поступки, каких мы от них ждем. Поэтому задуманное может получиться не в полном объеме или не получиться вовсе. Но вы-то что при этом теряете? Ровно ничего. Зато, если все получится, вы приобретете все.

– Как это я ничего не теряю? – Чуйков попробовал взвиться, но и это получилось у него не слишком убедительно, ведь дамочка права, на все сто процентов права. Даже на двести. Что ему терять, коль все равно тонет? – А имя? А репутация? По-вашему, это ничего не стоит? Этим можно пожертвовать во имя сомнительной комбинации?

– Дорогой Игорь Васильевич, у вас были и имя, и репутация. И что, вам это помогло? У вас прекрасный офис с хорошей мебелью и вышколенный персонал, и внешне вы, похоже, в полном шоколаде, но вы-то сами прекрасно знаете, что творится с вашими финансами. Не сегодня-завтра вы пойдете ко дну. А может быть, уже идете. У вас ноги еще не мокрые? А мне кажется, вода уже по щиколотку стоит.

Чуйков против воли рассмеялся. У нее есть чувство юмора, у этой неизвестно откуда свалившейся на его голову красоточки. И если все получится, то, может быть... Как ее зовут? Она вроде говорила в прошлый раз... Ах да, Ксения. Без отчества и без фамилии. Так можно

ей верить или нет? Конечно, он ничего не теряет, вопросов нет. Но если она подслана кем-то? Если во всей предложенной ею комбинации есть какое-то второе дно? Дурак он распоследний, целую неделю попросил на размышления и за эту неделю так и не просчитал все варианты. С замами своими советовался, и вроде они даже к каким-то выводам пришли, но не окончательно, хотели еще раз собраться сегодня, чтобы принять окончательное решение. Почему сегодня? Почему не вчера? Ведь Чуйков же договорился с ней встретиться через неделю, получается – как раз сегодня. На что рассчитывал-то? На то, что таинственная посетительница, как все женщины, забывает о назначенных сроках и всюду опаздывает? Попросить у нее еще день отсрочки, что ли? Да нет, несолидно как-то, что он, маленький? Генеральный директор как-никак, а не мальчик на побегушках. Да и соблазн велик, что уж скрывать. Одним махом со всеми проблемами расправиться.

– Хорошо, – решительно произнес он, – будем считать, что мы договорились.

– Еще нет, – снова взгляд прямой и без улыбки. – Какие у меня гарантии, что вы выполните свою часть в этой комбинации? Я свое дело сделаю, все пройдет так, как я планирую, а вы? Как я могу быть уверена, что вы не испугаетесь и доведете дело до конца?

– Почему я должен испугаться? Вы предлагаете мне что-то незаконное?

– Напротив. То, что вы должны будете сделать, более чем законно. И более чем правильно. Именно поэтому на вас начнут давить, и давить сильно, чтобы вы этого не делали. Вы же понимаете, чтобы удержать человека от незаконных действий, достаточно пригрозить ему разоблачением. Чтобы удержать его от совершенно законных и правильных поступков, нужно иметь в запасе очень веские аргументы. Вы сможете им противостоять? Не струсите?

Чуйков не был уверен в своих силах. Но не признаваться же в этом вслух, да еще такой женщине!

Он отрицательно покачал головой и улыбнулся. Ничего говорить не стал. Дескать, разве тут нужны слова? Все же очевидно.

– Что от меня сейчас требуется? – Он снова стал деловитым и собранным.

– Мне нужно встретиться с вашим самым умным и доверенным заместителем. Желательно с тем, кто ведает финансовыми делами.

Чуйков нажал кнопку селектора и попросил секретаршу вызвать одного из двух своих замов и принести кофе. Почему-то, когда деловая часть встречи осталась позади, ему смертельно захотелось получше разглядеть ноги прекрасной посетительницы.

* * *

– Ты когда-нибудь слышала такое слово: кинезиология?

Коля Селуянов аппетитно хрустнул яблоком и энергично зажевал, вероятно, полагая, что теперь Настя пустится в длинные и подробные объяснения, а он сможет минут пять, а лучше – десять, помолчать и поесть.

– Кинезиология? – переспросила она. – В первый раз слышу. Откуда ты взял этот термин?

– Щас, – невнятно прошепелявил Коля набитым ртом, – прожую и скажу.

Они сидели в процедурном кабинете, куда их пустила дежурная медсестра. Коля явился в госпиталь в десять вечера, когда никаких посетителей в отделении и в помине не было, и легко уговорил медсестру дать ему возможность «пообщаться с коллегой». Селуянова в отделении знал весь медперсонал, ведь за последние десять лет ему пришлось лежать с различными травмами не то пять раз, не то семь. А уж скольких товарищей по работе ему пришлось здесь навещать – не перечесать.

– В общем, так. – Он огляделся в поисках подходящего места, куда можно было бы засунуть огрызок яблока, ничего, кроме контейнера для использованных перевязочных материалов, не нашел и, горестно вздыхая, выбросил обьедок еще недавно такого красивого фрукта в

форточку. – С трупом твоей Галины Васильевны мы проваландались сегодня весь день. Тело обнаружили собачники во время утреннего выгула. Убили ее, судя по всему, там же, где нашли труп, во всяком случае, эксперты так заявляют. Живет она, то есть жила, в соседнем доме, через этот двор ходила постоянно – так ближе к остановке троллейбуса.

– Как ее убили? – перебила Настя.

– Два удара ножом, оба в область легких.

– То есть били в спину? – уточнила она.

– Получается, что так. Сумочки при убитой не оказалось, так что можно говорить об убийстве с целью ограбления. А коль сумочки нет, то и документов нет никаких. Сечешь проблему?

– Да уж, – усмехнулась Настя. – Но, судя по тому, что в пять часов вечера ты уже был у нее дома, личность вы установили довольно быстро.

– Ну, не так быстро, как хотелось бы, – заскромничал Селуянов, – но ты хвали меня, хвали, больше-то никто не похвалит, а доброе слово – сама знаешь... Но ты мне все-таки объясни, Аська, почему мужики и бабы так по-разному устроены, а? Вот возьми среднестатистического мужика: как минимум шесть карманов – два в брюках, еще четыре – в пиджаке или в куртке, и в каждом кармане что-то полезное лежит. Пока из мужика все вытрясешь – заму-чаешься! И всегда есть шанс, что если деньги отобрали, то хоть паспорт или какой-никакой документишко при нем останется. А вы, то есть дамы? Все пихаете в одну сумку, все яйца в одну корзину складываете, сумку у вас рванут – и все, вы же остаетесь голые и босые, без денег, без документов, без записных книжек, без визитных карточек, без ключей от квартиры, без мобильного. Вот и устанавливай после этого вашу личность.

– Ты философствовать будешь или про дело говорить? – смеясь, спросила Настя, мысленно прикладывая Колины слова к себе самой и понимая, что если у нее отобрать сумку, то она-то уж точно останется, как он выразился, голая и босая. Сколько бы карманов ни оказалось в ее одежде, они постоянно были пустыми.

– Очень мне нужно с тобой про дело говорить! – фыркнул Селуянов. – Будто мне на работе про это самое дело поговорить не с кем. И потом, что толку с тобой говорить, мы же не вместе работаем. Я просто потрепаться пришел, потому что Валушка в командировку уехала и дома меня никто не ждет. Ну и насчет этой кинезиологии спросить, а вдруг ты знаешь, что это за хрень такая. Я уж и в словаре смотрел, в Большом энциклопедическом, там нет такого слова.

– А ты-то его откуда взял?

– Да у Галины Васильевны, покойницы, царствие ей небесное. На ее визитной карточке прямо так и написано: психотерапевт, кинезиолог. Вместе с ней в квартире проживает родственник, что-то типа племянника на сильно разведенном киселе, так он тоже толком не знает, чем его тетушка занималась. К ней клиенты на дом приходили. Запрется, говорит, с ними в комнате часа на два, а то и на три, и ничего не слышно.

– А он подслушивал?

– Надо думать. Ты бы видела этого племянника! Тот еще козлице. Двадцать три года, работать не хочет, учиться не хочет, ничего не хочет, окромя как водку пить и иные удовольствия от жизни получать. Он сам-то из Пскова, его к тетке, я так понял, на перевоспитание отправили. То есть приехал он вроде бы с целью получить профессию и найти работу, потому как в его родном городе с рабочими местами проблема. Но на самом деле сидел он на теткиной шее и в ус не дул, а коль она его не гнала и обратно домой не отсылала, стало быть, ей понятно было, что не ради работы и профессии его в Москву наладили, а ради того, чтобы она на него повлияла в лучшую сторону при помощи этой своей психотерапии.

– Или кинезиологии, – вставила Настя.

– Или кинезиологии, – согласился Селуянов и удрученно добавил: – Знать бы еще, что это такое. Мы сегодня несколько подруг и знакомых потерпевшей опросили, и про кинезио-

логию тоже спрашивали – и ни одна не знает точно. Говорят, что-то из области эзотерики. Ну, ты сама понимаешь, что мы в племянничка вцепились мертвой хваткой, вот до вечера и промурыжились.

– И что оказалось?

– Господи, Ася, да если бы что-нибудь интересное оказалось, разве я бы сейчас здесь сидел? Я бы уже раскрытие по горячим следам с ребятами отмечал. Галина Васильевна-то, покойница, умной женщиной была и понимала, что такое пьющий молодой парень без царя в голове, который к тому же частенько остается один в ее квартире. Она дома только деньги на текущие расходы держала, все остальное рассовала по подругам. Ячейку в банке арендовала, ювелирку там хранила, а ключ от ячейки – тоже подруге на хранение. Так что никакой выгоды от ее убийства племяннику не было.

– А что с квартирой? Кто ее унаследует?

– Вот-вот, я тоже об этом подумал. Аська, ты не поверишь, но ее никто не унаследует.

– Как это? – удивилась Настя.

– Квартира не приватизирована. И в случае смерти квартиросъемщика отходит государству, поскольку в ней никто, кроме самой потерпевшей, не прописан. Во как! То есть убивать ее за квартиру тоже смысла никакого. Более того, пока тетка жива, парню есть где жить, а после ее смерти ему придется уматывать в родные пенаты, что в его планы, по-моему, не входит. В общем, похоже, племянничек этот ни при чем. Мы уж и про дружков его подумали, ведь он же с кем-то пьет и хороводится, а среди этой публики гиганты мысли редко встречаются. Вполне могли подумать, что раз тетка состоятельная, то при ней могут оказаться и деньги, и цапки. Могли даже самого племянничка в известность не поставить о своих благих намерениях, просто выследили Галину Васильевну и ограбили. Кстати сказать, на ней ни одного ювелирного изделия не оказалось, ни колечка самого захудалого, ни сережек, ни цепочки на шее, ни крестика. Сегодня даже самые малосостоятельные граждане хоть что-нибудь да носят, ну хоть серебряную цепочку. А на теле убитой – ничего. Так что ограбили ее вчистую, старательно, не только сумку забрали, но и с трупа все мало-мальски ценное сняли. Мы в этом направлении, конечно, еще покопаемся, связи племянника отработаем, но, чуется мое сердце, ничего не нароем. Ася, – он внезапно сменил тему, – у тебя еще чего-нибудь поесть не найдется? С утра не жрал ничего, только вот твои три яблока.

– Сейчас принесу, – кивнула она, – только придется подождать, я теперь медленнее черепахи передвигаюсь.

Она потянулась к палке и собралась принимать вертикальное положение. Коля смотрел на нее с сочувствием, но без жалости.

– Давай-давай, – подбадривал он, пока Настя ковыляла к двери, – тебе полезно ходить, надо ногу разрабатывать, ты уж мне поверь, я сам сколько раз через это проходил. Знаю, что больно, но надо. Так что терпи.

– Еще одно слово, – угрожающе прошипела она, не оборачиваясь, – и я вернусь. Или уйду и останусь в палате до утра. А ты будешь умирать мучительной голодной смертью.

Настя выгребла из тумбочки и сложила в пакет две упаковки печенья, плитку шоколада и бутылку питьевого йогурта. Конечно, это не еда для голодного опера, но хоть что-то... Ему бы мяса сейчас, соченький такой кусок, и картошечки, и салатик, и хлебушка побольше, однако, как говорится, чем богаты.

Ковыляя по больничному коридору в сторону процедуры, Настя Каменская сообразила, у кого можно спросить про кинезиологию. Если, как сказал Селуянов, это что-то из области эзотерики, то об этом наверняка знает Павел Дюжин.

* * *

Ленинградское шоссе оказалось забито транспортом, и дорога из аэропорта Шереметьево превратилась для Валерия Риттера в нешуточное испытание. Каждые десять минут ему звонила мать и с тревогой требовала отчета о дорожной ситуации и о том, в каком месте он находится и как скоро прибудет домой. Валерий старался не сердиться и не раздражаться, он понимал, что мать, при всей ее выдержке и хладнокровии, находится, что называется, на пределе: Ларка опять наглоталась чего-то или нанюхалась и бродит по квартире, бессмысленно улыбаясь и совершая какие-то непредсказуемые действия. Мать всегда боялась, когда невестка находилась в подобном состоянии, ей казалось, что Лариса, впав в транс, может выкинуть что угодно, даже за нож схватиться и напасть на свекровь. И сколько бы Валерий ни объяснял ей, что в состоянии кайфа наркоманы не опасны, что они всех любят и им хорошо, Нина Максимовна упорно стояла на своем:

– Никогда не знаешь, что может прийти в голову человеку, находящемуся в измененном состоянии. И потом, кайф может в любой момент пройти, а вдруг у нее начнется ломка? Что я буду с ней делать?

С каждым звонком напряжение в голосе матери нарастало, Валерий уже готов был бросить машину вместе с водителем-охранником и мчаться домой резвой рысью на своих двоих.

– Мамуля, ну потерпи, я прошу тебя, – монотонно талдычил он в трубку, стараясь не сорваться на крик, – здесь жуткие пробки, я ничего не могу с ними сделать.

Наконец в районе метро «Динамо» движение стало посвободнее – многие машины сворачивали с Ленинградки, чтобы попасть на Третье транспортное кольцо. И все равно дорога от аэропорта до дома заняла у Риттера два с половиной часа вместо обычных сорока минут.

Дверь квартиры распахнулась, едва он вышел из лифта: мать нетерпеливо ждала его, сидя в просторном холле. Валерий с тоской подумал, что Нина Максимовна заняла эту стратегическую позицию неспроста. Она готовилась бежать из дома, если Ларка все-таки... Господи, даже подумать об этом страшно.

– Где она? – быстро спросил он, коротко обняв мать.

– В гостиной. Распахнула все окна и балконную дверь. Чувствуешь, как тянет холодом? А ей тепло!

Не обращая внимания на дрожащие в глазах матери слезы, Валерий рванул по длинному коридору в сторону самой просторной комнаты. Так и есть! Лариса стояла в длинном шелковом пеньюаре на подоконнике и задумчиво смотрела в небо, совершая при этом плавные, изумительно красивые, но совершенно недвусмысленные движения руками. Широкие рукава то съезжали к плечам, то опускались, закрывая тонкие кисти. Еще мгновение – и она полетит!

Валерий на цыпочках подкрался к жене, ловко обхватил обеими руками и поставил на пол.

– С ума сошла? – сердито проговорил он, переводя дыхание. – Ты что вытворяешь?

– Ой, Лерочка, – глупо и радостно улыбаясь, запела-заголосила Лариса, – Лерочка моя приехала, Лерочка моя золотая, серебряная, бриллиантовая!

Он терпеть не мог это дурацкое «Лерочка», и жена знала об этом, но, находясь под воздействием препаратов, пренебрегала всем, в том числе и желаниями и просьбами мужа. Валерий ласково взял ее за голову, приподнял лицо, заглянул в глаза. Зрачки – как крохотные булавочные головочки. Губы сухие. Щеки бледные до синюшности. Он не мог ненавидеть ее, как ни старался. Он очень ее любил. Очень. И твердо верил, что она одумается, возьмет себя в руки, что все наладится, как только придет настоящий успех, как только она перестанет терзаться мыслями о собственной никчемности. Лариса знает, что талантлива, и Валерий это тоже знает, но ведь она – женщина и, в отличие от многих мужчин-творцов, нуждается в признании. Муж-

чины (не все, конечно, но многие) умеют долгие годы жить в статусе непризнанных гениев, для них неважно мнение окружающих, им вполне достаточно самим осознавать собственную гениальность. С женщинами не то. Они (опять же не все, но многие) нуждаются во внешних оценках. Им нужно со стороны слышать, как хорошо они выглядят, как удачно подстриглись, как замечательно смотрится на них новый костюмчик, как они умны и талантливы. Если они не получают подтверждения извне, то быстро начинают сомневаться и в собственной красоте, и в собственном уме. И, разумеется, в таланте.

Нет, не мог Валерий Риттер злиться на жену. Он делал все, что мог, чтобы ее талант получил признание, чтобы о ней заговорили, чтобы ее дарование не вызывало ни у кого сомнений. Но, вероятно, того, что он предпринимал, пока было недостаточно, потому что нужной степени признания Лариса не получала. Какой именно «нужной»? А такой, чтобы она успокоилась, перестала комплексовать по поводу своей бездарности и прекратила то и дело принимать наркотики, при помощи которых глушила черные мысли о бессмысленности собственного существования.

– Ну что ты на меня так смотришь? – звонко щебетала Лариса, прижимаясь к мужу и стараясь спрятать лицо. – Не смотри на меня так...

– Как?

– Как инквизитор. Со мной все в порядке. Честное слово.

Это тянулось уже два года – все два года с момента свадьбы, и Валерий хорошо усвоил, что бессмысленно даже пытаться устраивать скандалы и выволочки человеку, который «в кайфе». Он все равно ничего не поймет и не усвоит, только силы зря терять. Поэтому он не начал выговаривать Ларисе все, что думал о ее пристрастии к наркотикам, не пытался взять с нее очередное обещание «больше так не делать», не лез к ней с идиотскими вопросами о том, зачем она опять... ведь в прошлый раз она обещала... и ему казалось, что она все поняла... а она...

В этом не было смысла. В этом не было и не могло быть цели. Риттер понимал, что сейчас, пока Лариса, мягко говоря, не вполне адекватно воспринимает реальность, сделать ничего невозможно. Ей хорошо, она радуется жизни, и даст какие угодно обещания, и будет отрицать любые факты вплоть до самых очевидных. Потом, когда «это» пройдет, она кинется в мастерскую и станет работать как в угаре день и ночь, иногда по несколько дней подряд не появляясь дома. Потом творческий угар пойдет на спад, Лара по-прежнему будет работать, но уже не так оголтело, ночевать будет, как и положено примерной жене, в супружеской постели, спать до полудня, долго пить кофе, а вечером возвращаться из мастерской как с работы – в семь часов. Потом в пять. Потом в четыре. Потом, в один прекрасный день, она вообще перестанет выходить из дома, и тогда в течение ближайшей недели наступает «это». Оно может длиться два-три дня, но может и пару недель.

В перерывах между приступами «этого» (Валерий не мог придумать подходящего термина и ограничивался местоимением) Лариса была прелестным шаловливым котенком, влюбленным в живопись и в процесс создания картин, но совершенно не приспособленным к жизни и не имеющим ни малейшего представления о том, как решаются самые простые житейские и бытовые проблемы. Она была в полном смысле слова неземным существом – воздушным, тонким, чистым и очень, очень далеким от реальности. Хрупкая, с чуть смугловатой кожей, с тонюсенькой талией и маленькой грудью, Лариса походила на стеклянную статуэтку, с которой можно только осторожно смахивать пыль специальной пушистой метелочкой, но ни в коем случае не брать в руки и не переставлять с места на место. Сам Валерий, широкоплечий, коренастый, с могучими ручищами, казался себе рядом с женой если не слоном, то по крайней мере медведем. Она такая нежная, такая беззащитная, такая молоденькая и такая талантливая! И кто же защитит ее, поддержит и выведет в большой мир, если не он, удачливый и богатый владелец известной на всю Москву и далеко за ее пределами консалтинговой фирмы Валерий

Риттер. Двадцатипятилетняя Лариса была на восемь лет младше мужа и казалась ему совершенным ребенком, которому надо помогать, но которого нельзя наказывать.

Мать накрыла ужин в столовой, сама расставила приборы и принесла из кухни фарфоровую супницу с чихиртмой – грузинским супом из баранины. Валерий понял, что домработницу Римму она отпустила, как только поведение невестки стало выглядеть сомнительным. Нина Максимовна всегда так поступала, в ней необыкновенно сильны были невесть откуда взявшиеся барские замашки, не позволяющие считать помощницу по хозяйству членом семьи. Римма – прислуга, низший слой. Не хватало еще, чтобы она узнала, что молодая жена хозяина – наркоманка! Хозяева в глазах прислуги должны быть божествами, существами высшего порядка, живущими в башне из слоновой кости. У них, то есть у хозяев, должны быть непонятные прислуге, сложные и возвышенные проблемы, а вовсе не такие, с какими сталкивается любой обычный человек.

Лариса, как и всегда при «этом», от ужина отказалась, под действием таблеток у нее напрочь пропадал аппетит.

– Лерочка, я пойду почирикаю, ладно? Ты не обижаешься?

– Конечно, иди.

Второй особенностью «этого» была наплывающая волнами необыкновенная общительность, чередующаяся с периодами сонливой молчаливости. Лариса могла часами висеть на телефоне, болтая с приятельницами о какой-то чепухе, и точно так же могла часами молча и неподвижно сидеть на полу в кабинете Валерия, прислонив голову к его коленям и подремывая, пока он занимался делами, разбирал бумаги, набрасывал схемы, обсуждал по телефону рабочие вопросы.

На данный момент, по-видимому, имел место период общительности, и Лариса упорхнула в другую комнату чирикать по телефону.

– Валерий, сколько еще это будет продолжаться? – спросила мать, сидя напротив него за овальным обеденным столом. – Лариса нуждается в лечении, а ты ничего не предпринимаешь.

Она говорила мягко и негромко, но Валерий не обманывался: мать вне себя, и только хорошее воспитание удерживает ее от истерики.

– Нинуля, – вздохнул он, – я понимаю, как тебе тяжело бывает с Ларой, но я уже тысячу раз объяснял тебе: от наркомании невозможно вылечить насильственно. Пока человек сам не захочет, с ним никто ничего не сделает, ни самый лучший врач-нарколог, ни шаман, ни экстрасенс. Это всем известная истина, об этом даже в газетах пишут. Для того чтобы Лара захотела вылечиться, нужно убрать источник душевной боли, потому что именно эта боль заставляет ее пить таблетки и нюхать всякую дрянь. Я делаю все, что могу, поверь мне, ты же сама видишь, сколько сил и денег я вкладываю в то, чтобы раскрутить Лару. И не моя вина, что не все получается, как я хочу. Или ты считаешь, что я виноват?

– Ну что ты, сынок, – мать тепло улыбнулась, – ты ни в чем не виноват. Просто я подумала, что, может быть, посоветоваться со специалистами по раскрутке художников. Может быть, есть какие-то особенности, которых ты не знаешь, и потому у тебя не получается так быстро, как тебе бы хотелось? Ты вкладываешь в Лару огромные деньги, но, может быть, ты вкладываешь их как-то не так? Или не в то?

Не проходило дня, чтобы Риттер хотя бы раз не подумал о том, как ему повезло с матерью. Чего стоит только это троекратно повторенное «может быть»! И всего в четырех фразах. Нина была вся в этом. Она никогда не навязывала сыну своего мнения, даже когда он был совсем маленьким. Она предоставляла ему полную свободу принятия решений, предварительно на понятном ребенку языке разложив по полочкам все возможные последствия того или иного выбора. Она объясняла, что, переусердствовав с мороженым, он может заболеть ангиной, и тогда они не пойдут в воскресенье в зоопарк, но если он откажется от очередной порции, то

не получит вожделенного сладкого удовольствия, зато зоопарк ему гарантирован. Выбор же оставался за ним.

Нина Риттер, молодая и третья по счету жена известнейшего художника Станислава Риттера, имела высшее педагогическое образование и возможность не работать. И то, и другое она обратила на пользу делу воспитания сына Валерия, всегда была рядом и стала его первым другом, первым учителем и первым помощником. Между женой и мужем лежала пропасть длиною в тридцать лет, между матерью и сыном этих лет было всего двадцать, и в их семье никогда не было троих. Двое и один – вот как расставились силы. С одной стороны – светский, высокомерный, знаменитый и обласканный властями отец, с другой – молодая жена и маленький сынишка.

– Валерий, – и в этом тоже была вся мать, которая никогда не называла сына всякими уменьшительными «Валерочками» и тем более так ненавистным ему именем «Лерочка», – я хотела бы поговорить с тобой о твоей сестре. Ты как? Может быть, ты устал? Тогда поговорим завтра.

И это тоже было в характере Нины Максимовны: никогда не заводить серьезных разговоров, не поинтересовавшись предварительно, настроен ли ее сын эту проблему обсуждать.

– Зачем же завтра? – Валерий промокнул губы накрахмаленной салфеткой и поднялся из-за стола. – Поговорим сейчас. Пойдем в кабинет. Мне нужно сделать несколько срочных звонков.

– Иди, – Нина Максимовна улыбнулась, – я пока уберу со стола. Сделаешь свои звонки, и возвращайся.

Холеные руки матери с тщательно наманикюренными пальцами запорхали над столом, собирая посуду. Нина прекрасно умела все делать сама и с молодости была отменной кулинаркой, однако сколько Валерий себя помнил, столько в доме была домработница. Он даже не задавался вопросом: зачем, если мама все умеет, тем более что мама не работает и свободного времени у нее более чем достаточно. Домработница была, потому что была, и все. Так было положено. Так было принято.

Валерий вошел в кабинет и увидел давно ставшую привычной картину: Лара спала, сидя на полу и положив руки и голову на мягкий диванчик. Тут же на полу, рядом с ней, валялась телефонная трубка. Жена обожала «чирикать» не в спальне, а именно в его кабинете, который сама же и декорировала и обставляла сразу после свадьбы. «Я вложила сюда столько души, – говорила Лариса, – что для меня твой кабинет теперь самый уютный уголок во всей квартире. Спальня – слишком интимное место для трепа с подружками, висеть на телефоне в гостиной – манерно, а в кабинете – в самый раз. Я здесь как будто к себе возвращаюсь». Валерий не совсем понимал, почему беседовать по телефону с приятельницами, сидя в гостиной, жена считала манерным, но в целом объяснение принимал и не возражал. Нравится ей у него в кабинете – и слава богу, пусть хоть часами щебечет, лишь бы была счастлива.

Теперь Лара крепко спала, периоды возбуждения сменялись торможением, и это тоже стало привычным. Валерий осторожно поднял с пола трубку, уселся за письменный стол, включил компьютер, просмотрел почту. Позвонил своему первому заму, отдал неотложные распоряжения, даже не особо стараясь понижать голос – Лара все равно ничего не слышит: насколько острым бывало ее возбуждение от наркотиков, настолько же глубоким был сон. Пушкой не разбудишь.

Он помнил, что мать ждет его для какого-то разговора, но все сидел и сидел за столом, не сводя глаз со спящей жены. Что он делает не так? Чего недодумывает, не просчитывает? Почему все его усилия до сих пор не принесли желаемого результата, и Лара продолжает отчаянно глушить свою боль таблетками и чем там еще, потому что не может заставить людей, а главное – саму себя поверить в свой талант? Валерий вернулся из поездки, во время которой занимался не только своим бизнесом, но и нашел двух ценителей живописи, чье слово имело

весьма существенный вес в среде галерейщиков и специалистов. Договорился с ними о том, что каждый из них купит по одной картине Ларисы, денег дал на покупку. От них требовалось только одно: делать рекламу полотнам молодой художницы. Уж если эти люди купили картины, значит, они того стоят. Подобные операции Риттер проделывал уже не в первый раз, он и галерейщикам платил немалые суммы, чтобы те выставляли в своих салонах работы Лары. Платил критикам и журналистам, чтобы писали хвалебные статьи. Платил организаторам выставок, директорам фондов. Платил, платил, платил... Ему казалось, он все продумал. Но результата пока не было. Разумеется, Риттер был в своем деле далеко не новичком и отчетливо понимал разницу между музыкой, литературой и живописью. Музыканта и писателя можно раскрутить быстро, за полгода-год, с художниками все не так, ведь живопись – искусство особое, самое сложное для восприятия, и на то, чтобы вокруг какого-нибудь имени возник ажиотаж, нужно очень много времени. Очень много.

Но у него времени не было. Каждый новый период «этого» наносил вред здоровью Ларисы, ее психике, угрожал ее жизни. Ждать слишком долго Валерий не мог.

Оторвавшись от своих грустных мыслей, он вышел к матери, которая ждала его в гостиной. Крупная, царственная, красивая, ухоженная, в свои пятьдесят три года выглядящая хорошо если на сорок пять, а то и меньше (при хорошем макияже), она после смерти мужа даже и не помышляла о новом браке, хотя от претендентов на руку и сердце отбоя не было. «Мы с тобой богатые наследники, – с усмешкой объясняла она сыну, – и теперь и за тобой, и за мной будет идти настоящая охота. Мы должны быть очень осторожны, чтобы не попасть в глупое положение».

– Я закончил с делами, – объявил Валерий, садясь в кресло напротив матери. – Так что там с Анитой? Какие-то проблемы?

– Боюсь, что да, – вздохнула Нина. – Ты не заметил, что она в последнее время стала будто бы избегать нас?

– Разве? – он удивленно вскинул брови. – Нет, не заметил. Тебе, верно, показалось.

– Я не совсем точно выразилась. – В голосе Нины Максимовны заметно проступила неуверенность, словно она боялась подобрать неверные слова. – Анита избегает бывать у нас в присутствии Лары. Она не говорит об этом прямо, но я-то заметила. И если ты напряжешься и припомнишь последние несколько месяцев, ты не сможешь со мной не согласиться.

Валерий нахмурился. Да, кажется, мать не так уж и не права. Если вспомнить... Вот Анита у них дома, они пьют чай втроем – он, Нина и сестра, звонит Лара из мастерской и сообщает, что закончила работать и минут через тридцать будет дома, Анита посматривает на часы, делает вид, что торопится, и ровно через двадцать минут уходит. А ведь до звонка Ларисы даже и речи не было о том, что Аните нужно куда-то по делам.

Вот Анита договаривается с ним о встрече, но, узнав, что брат придет с женой, тут же словно внезапно вспоминает о чем-то неотложном, и встреча переносится на другое время.

Вот Анита пришла поздравить Нину с днем рождения, а Ларисы не было в тот момент... А вот она приехала к ним на дачу, а Лариса в тот раз оставалась в городе... А вот снова они сидят в гостиной, смотрят какой-то фильм по телевизору, щелкает замок в прихожей – пришла Лариса, и Анита тут же начинает прощаться...

Да, если вспомнить, то все получается именно так, как говорит мать. Что же случилось? Какая кошка пробежала между женой и единокровной сестрой, дочерью отца от предыдущего брака?

– У тебя есть объяснение? – спросил Валерий, отчего-то избегая глядеть на мать.

Нина покачала головой:

– Нет. Я думала, может быть, объяснение есть у тебя? В любом случае эта ситуация меня тревожит. Анита так много сделала для всех нас, я теперь не представляю нашей жизни без нее. И мне не хотелось бы, чтобы из-за Лары между нами...

– Нина, ну при чем тут Лара? – раздраженно перебил Валерий. – Лара – совершенный ребенок, она ни при каких условиях не может встать между нами и Анитой. Она дитя, понимаешь? Невинное, простодушное дитя во всем, что не касается живописи. Я думаю, дело не в Ларе, а в самой Аните. Я в ближайшее же время поговорю с ней. Уверен, что все разъяснится и окажется какая-нибудь ерунда.

– Дай бог, чтобы ты был прав, сынок. Но мысли у меня не очень-то приятные.

– Какие мысли, мама? Что ты себе напридумывала?

– Со временем скажу.

– Мама! Говори немедленно! – потребовал Валерий. – Что произошло? Я чего-то не знаю?

– Сынок, не дави на меня. Либо я окажусь права и ты сам обо всем узнаешь, либо я ошибаюсь, и тогда я со смехом тебе все расскажу и попрошу прощения за то, что подозревала Лару.

– Нина!...

Он собрался было высказать матери свое негодование, ведь нельзя же так, честное слово! Напустить туману, заговорить о каких-то подозрениях, а потом спрятаться в кусты и прикрыться обещаниями со временем все объяснить. Такой стиль общения допустим между чужими людьми, между посторонними, но между близкими, родными... Это уж слишком. Да и в чем можно подозревать Ларку? В том, что она ворует деньги из сумочки матери или Аниты? С наркоманами это случается сплошь и рядом, но только в том случае, если они нуждаются в деньгах. А Лариса в них не нуждается, Валерий всегда дает ей большие суммы. Впрочем, как знать, может, она плотает что-то запредельно дорогое, и ей даже этих сумм не хватает.

Все это промелькнуло в голове мгновенно, но Риттер не успел ничего сказать, потому что зазвонил телефон.

– Ларису позвоните, – лениво потребовал женский голос, показавшийся Валерию вульгарным и не совсем трезвым.

– Она спит. Ей что-нибудь передать? – Он машинально отметил, что голос этот ему не знаком. Новая подруга?

– Скажите, что я звонила.

– Кто – вы? У вас имя есть? – сердито спросил он.

– Она сама знает. – Голос хохотнул, и его обладательница повесила трубку.

Мать смотрела на сына пристально, тревога выплескивалась из ее глаз и заполняла собой, казалось, все пространство огромной гостиной.

– Опять Ларису спрашивали? – Она не то спрашивала, не то утверждала.

– Почему опять? – К раздражению от разговора с матерью прибавилось и раздражение от этого вульгарного голоса, и Валерий уже не пытался его скрывать. – По-моему, за весь вечер это был первый звонок. И, по-моему, Нина, у тебя теперь каждое лыко встанет в строку.

Но мать словно и не замечала его настроения. Или считала нужным не замечать?

– И опять незнакомый голос?

– Незнакомый, – нехотя подтвердил он.

– Женский?

– Да, женский. И что из того?

– И опять не назвалась?

– Да! – он наконец взорвался. – Она не назвалась! И что из этого следует? Только то, что у Ларки появилась новая приятельница, незнакомая с правилами хорошего тона, вот и все! Она часто сюда звонит? И что, это, по-твоему, преступление? Почему я должен в чем-то подозревать жену только на том основании, что у нее появилась знакомая не из высшего света? Твой доморощенный аристократизм, Нинуля, уже переходит всякие границы! Прости за резкость, но жизнь с отцом тебя развратила, ты никогда не работала, ты почти тридцать

лет вращалась в высшем обществе и даже представления не имеешь о том, что отсутствие воспитания вовсе не означает отсутствия порядочности. На свете огромное количество добрых и честных людей, которые не умеют правильно общаться по телефону, а ты их всех готова априори записать в преступники. Уйми, наконец, свой снобизм и оставь Ларку в покое!

Валерий был уверен, что мать рассердится, немедленно прекратит разговор и уйдет к себе. Она почти никогда не повышала голос и не опускалась до нудных и тягостных выяснений отношений, она просто печально улыбалась и замыкалась в холодном молчании. Печаль в этих случаях была призвана демонстрировать ее разочарование тем, что собеседник оказался таким недалеким и невоспитанным.

Но мать, вопреки ожиданиям, не поднялась и не ушла. И даже не замолчала.

– Прости, сынок, я заставила тебя нервничать. Но дело в том, что ты целыми днями на работе, а я все время дома. И могу тебе сказать, что сегодняшний звонок – не исключение из правил. В последнее время Ларе постоянно звонят разные незнакомые мне женщины, и ни одна не называет своего имени. Раньше такого не было. Получается, что у твоей жены именно в последние месяцы появилось множество новых подружек, и все как одна невежливы. Откуда они взялись? И почему одновременно с появлением этих таинственных, дурно воспитанных подружек Анита начала избегать Лару? Я прошу тебя только об одном: подумай об этом.

Раздражение все еще не улеглось, но словам матери все-таки удалось пробиться сквозь него и дойти до сознания. Валерий понял, что в отношении матери, пожалуй, погорячился. Конечно, она строила из себя крутую аристократку, и это обстоятельство всегда вызывало у Риттера снисходительную насмешку, но все-таки... Факты есть факты. Во-первых, их надо проверить и уточнить. И во-вторых, их надо обдумать.

Глава 2

В свое время должно было пройти несколько месяцев, чтобы Настя Каменская перестала считать Павла Дюжина сумасшедшим. Она познакомилась с Павлом, когда еще работала в главке у Заточного, и долго не могла взять в толк, как среди офицеров милиции оказался человек, свято верящий в то, что есть комнаты и кабинеты, в которых «плохо», и что «помещения надо чистить». При этом Дюжин не только верил в это, но и активно претворял свои убеждения в жизнь. Настя отлично помнила, как он, впервые попав в ее служебный кабинет, заявил, что не сможет здесь работать и не станет, пока не очистит его, после чего притащил какую-то рамочку, свечу, воду и газеты и производил разные манипуляции до тех пор, пока состояние помещения не стало удовлетворять его загадочным требованиям. Настя тогда, помнится, специально интересовалась у Заточного, зачем он взял на работу этого ненормального, а генерал ответил, что каждый человек имеет право на своих тараканов, если они не мешают служебной деятельности. Как говорится, царапина на двери на ходовые качества автомобиля не влияет. А мозги у капитана Дюжина хорошие и для аналитической работы вполне пригодные, с чем Настя не могла не согласиться. Однако же ей потребовались значительные интеллектуальные и душевные усилия, чтобы примириться с особенностями Дюжина, и не просто примириться, а открыть для себя и принять давно всем известную истину о том, что все люди разные и не обязаны быть похожими друг на друга. Да, Павел такой, какой есть, и надо радоваться тому, что он такой, и любить его таким, и принимать, и не считать психом ненормальным только лишь на том основании, что он не похож на большинство окружающих, в том числе и на саму Настю.

Она позвонила Павлу на следующий же день после разговора с Колей Селуяновым. Дюжин уже год как снял погоны и ушел вместе с генералом Заточным в какую-то крупную коммерческую структуру, где с успехом применял навыки аналитической работы, занимаясь отслеживанием финансовых потоков.

– Паша, ты знаешь, что такое кинезиология?

– Конечно, – ответил Дюжин, не задумываясь.

– Это что, какая-то наука?

– Да нет, скорее практика. Ну и наука тоже. Почему ты интересуешься?

– Да тут потерпевшая одна... – Настя замялась, она разговаривала по телефону, сидя в больничном коридоре, мимо сновали врачи и медленно двигались больные, и ей не хотелось вслух произносить страшное слово «убийство». – У нее на визитной карточке указано, что она кинезиолог. Ты мне можешь поподробнее рассказать, что это за штука такая?

– Я так понимаю, что у самой потерпевшей ты уже спросить не можешь, – усмехнулся Павел. – Хорошо, давай встретимся. Где и когда?

– Понимаешь, я сейчас в госпитале. Если бы ты мог сюда приехать, было бы славно.

– В госпитале?! Что случилось?

– А, ерунда. Нogu сломала, но я уже ходячая, меня через два дня выписывать будут. Так ты приедешь?

– Конечно, прямо сейчас.

– С работы сбежишь? – рассмеялась Настя. – Начальство не заругает?

– Так у меня начальник-то кто? Заточный. Поэтому даже не сомневайся, меня отпустят к тебе по первому требованию. У вас там как, пускают посетителей?

– Вообще-то с четырех до восьми, но на оперсостав это не распространяется, так что ко мне пускают всегда. Ко мне вчера даже в десять вечера с работы приходили.

Дюжин примчался в госпиталь уже через час. За этот час Настя буквально голову сломала, пытаясь придумать, где бы найти в отделении место для разговора наедине. Днем такое место найти было трудно, поэтому она, преодолевая ужас перед неминуемой болью, натянула

теплую куртку и, вооружившись палкой, выползла из корпуса в парк. Куртку ей привез Чистяков еще дней десять назад, когда врач сказал, что ей нужно будет начинать разрабатывать ногу и можно выходить на улицу, но Настя так ни разу ее и не надела. И на свежий воздух вышла за все время пребывания в госпитале в первый раз.

Метрах в десяти от выхода из корпуса стояла скамейка – последний оплот. Дальше ей не уйти, нет сил больше терпеть боль. С Павлом она не разминется, он не сможет пройти в корпус никаким другим путем, только мимо нее. Настя устроилась поудобнее, пристроила палку так, чтобы она не свалилась в мокрую от дождя грязь, глубоко вдохнула сырой, пропитанный выхлопными газами воздух. Уже среда. Послезавтра выписка. А вопрос так и висит нерешенным. Сегодня придет мама, но с ней Настя даже разговаривать на эту тему не станет: мама разволнуется, расстроится, начнет сама себя укорять за то, что ремонт в ее квартире так затянулся, и в результате родственники осели у дочери. Правда, узнав, что в пятницу Настю отправляют домой, мама может сама задаться вопросом: а как, собственно, ее дочь будет существовать дальше? Хорошо бы, чтобы к моменту маминого появления в госпитале уже нашлось готовое решение, которое останется только довести до сведения матушки, сопроводив сияющей улыбкой и уверениями, что все образовалось как нельзя лучше.

Погруженная в мысли, Настя заметила Дюжина только тогда, когда он подошел к ней вплотную.

– О чем мечтаешь, красавица? – весело спросил он.

– О жилье, – честно брякнула Настя, не успев перестроиться.

– И в чем проблема?

Выслушав Настины причитания на тему временных трудностей с местом проживания, Павел широко улыбнулся:

– Могу предложить роскошный вариант. Тебя он должен устроить на все сто. Только не говори сразу «нет», сначала выслушай.

– Давай, – загорелась Настя.

Господи, неужели проблема может разрешиться вот так просто, одним махом? Она голову сломала в поисках решения, а нужно всего-то было позвонить Паше Дюжину. Интересно, что он сейчас предложит?

– Есть пустая дача...

– Нет! – тут же выкрикнула она.

– Настя, мы же договорились, – с упреком сказал Дюжин.

– Нет, Паша, дальше я и слушать не хочу. Никаких дач, никаких загородов. Я этого не вынесу.

– Да почему же? Ты что, никогда на даче не жила?

– Не жила, только в гости ездила, и то редко. В нашей семье дачи отродясь не было. Все эти холодные дома, которые надо протапливать, сортиры на улице, магазины за три километра, отсутствие телефона, непролазная грязь на улице – нет, это не для меня. Тем более с ногой, которая еле ходит. Мне нужно будет в Москву через день ездить на процедуры, а электричка небось раз в два часа ходит, битком набитая, и добираться до нее придется сто лет. Нет, нет и нет.

– Понятно, – вздохнул Павел. – Теперь выслушай меня до конца, поскольку свое «нет» ты уже сказала и повторять его нет смысла. Дом топить не нужно, в нем есть отопление, горячая вода и нормальный санузел. Телефон тоже есть, с московским номером. Магазины в трехстах метрах, причем можно договориться с владельцем, и продукты будут доставлять на дом. В поселке почти все так делают. Дальше. Есть коммерческий медпункт с докторами и медсестрами, он обслуживает всех, кто платит, никакого полиса не требуют. Что-то вроде частной поликлиники для жителей поселка. Опять же, поскольку народец в поселке избалованный, медицинские услуги оказываются на дому, у них даже есть специальный транспорт, чтобы при-

возить аппаратуру для физиопроцедур. Дальше. Грязи непролазной на улице нет, все чисто и аккуратно. Электрички ходят каждые десять-пятнадцать минут, но они тебе вряд ли понадобятся. Чего тебе в Москве-то делать? Скажи своему благоверному, чтобы завез туда книжеч побольше и видеокассет, и живи потихоньку, наслаждайся жизнью, гуляй, ногу лечи.

– А там что, и видик есть? – недоверчиво спросила Настя.

– Там даже «тарелка» есть для приема спутникового телевидения. У тебя, Настюха, устаревшие представления о дачах. Конечно, летняя лачуга на шести сотках в ста пятидесяти километрах от Москвы – это не для тебя в данном случае. А симпатичный загородный домик в десяти километрах от Кольцевой дороги в поселке с развитой инфраструктурой и собственной охраной – это же совсем другое дело.

Да, пожалуй, над этим имеет смысл подумать. И лифта нет, что немаловажно. А то как сломается, так она со своей ногой замучается спускаться и подниматься. И хорошо еще, если со второго-третьего этажа, а если с пятнадцатого? И в поликлинику на процедуры не придется ездить через всю Москву. И продукты на дом приносят. Живут же люди! Интересно, какую плату потребуют хозяева дачи за месячную аренду? Может, у Насти еще и денег не хватит, а она тут размечталась!

– Нисколько, – пожал плечами Дюжин. – Какие деньги, ты что? Живи, сколько надо.

– Легко ты чужими домами распоряжаешься, – ехидно заметила Настя.

– Почему чужими? Это мой дом.

Вот так, приехали. Всего год как ушел со службы в органах, а уже загородный домик завел. Странно, что кто-то еще работает, носит погоны. При таком раскладе доблестные органы внутренних дел должны бы, по идее, состоять из одних вакансий и полных придурков, которых больше никуда не берут. Придурков, конечно, полно, кто спорит, но ведь и толковые ребята есть, хорошие профессионалы, преданные делу. К сожалению, значительно больше толковых профессионалов, делу не преданных, и это позволяет им много зарабатывать и очень неплохо жить.

Зато мама совсем не расстроится, узнав, что Настя будет жить не в квартире, до потолка забитой родственниками, а за городом. Наконец-то ребенок поживет на природе, подышит свежим воздухом! Одним словом, сплошные плюсы и никаких минусов.

– Ну что, Настюха? Решено?

– Решено, – с облегчением кивнула Настя. – Теперь давай про кинезиологию.

Объяснял Павел очень подробно, но не сказать чтобы очень понятно. Вернее, объяснял-то он доходчиво, только Настя не все понимала. И слова вроде бы все были знакомыми, а все равно непонятно. Вот, к примеру, разве может нормальный опер понять, как это: прикасаешься к человеку, мысленно задаешь вопрос: «Есть проблема?», получаешь сигнал-ответ: «Есть». Или не получаешь сигнала, стало быть, проблемы нет. Казалось бы, что проще – задал вопрос, получил ответ. А все равно непонятно.

Дальше все было более или менее уяснимо. Все психологические проблемы, которые сидят в людях и мешают им нормально жить, были классифицированы специалистами психологами и психоаналитиками и сведены к определенным формулировкам. Например, «Меня не любят» или «Я загнан в угол». Для каждой такой формулировки разработана формула-антагонист, которая противостоит запрятанной вглубь проблеме. До этого места Настя еще понимала, но дальше...

А дальше кинезиолог, продолжая поддерживать физический контакт с пациентом, начинает мысленно переводить негатив в позитив, то есть убирает негативно окрашенную проблему и замещает ее позитивно окрашенным отношением. Да, конечно, Настя неоднократно слышала о том, что мысль материальна. Но не до такой же степени! Мысленно задать вопрос, получить сигнал-ответ, потом переводить негатив в позитив – нет, это решительно не укладывалось в ее голове. Так не бывает.

- Паш, а ты сам-то в это веришь? – ей трудно было скрыть сомнения.
- Я, Настюха, не верю, я знаю. Точно знаю.
- Откуда? – продолжала допытываться Настя.
- Из собственного опыта. Я обучался кинезиологии.
- Ты?! И что... ты вот... все это умеешь?
- Умею. Я бы не стал тебе рассказывать, если бы не знал точно.
- Покажи! – потребовала она.
- Что тебе показать?
- Ну... это вот... про что ты мне рассказывал. Возьми меня за руку, задай вопрос, получи ответ, переведи негатив в позитив. Давай прямо сейчас. Можешь?
- Могу. А что, у тебя есть проблемы, с которыми ты не можешь справиться?
- У меня? – растерялась Настя. – Да нет, у меня все в порядке. Денег, правда, мало зарабатываю, но это из другой оперы.
- То есть, другими словами, тебе помощь психолога не нужна? – уточнил Павел.
- Да нет же, не нужна, у меня все в полном порядке. Ну давай, показывай, – нетерпеливо произнесла она.
- Не буду, – улыбнулся Дюжин.
- Почему? Слабо?
- Настя, ты не понимаешь... Кинезиология – это не цирковые фокусы, которые можно показывать с целью развлечь зрителя. И не химические опыты, которые можно делать демонстративно, чтобы человек понял, как вещества реагируют друг на друга. Кинезиолог работает только тогда, когда человек чувствует, что нуждается в помощи, и обращается за этой помощью. Если человек о помощи не просит, с ним работать нельзя.
- Но почему?
- Потому что есть закон.
- Какой? У кинезиологов есть кодекс этики?
- Можно и так назвать. Но вообще-то это называется космическим законом.
- Каким?! – Настя решила, что ослышалась. Космический закон! Ну надо же... Впрочем, она забыла, что имеет дело с Дюжиным. От него еще и не такое можно услышать.
- Космический закон. Никогда не слыхала про такие?
- Нет, – призналась она. – И как он звучит?
- «Никогда ничего не делай, не говори и не думай, если тебя об этом не просят». Это закон на все случаи жизни, он существует не только для кинезиологов. В нашей с тобой ситуации его надо понимать так, что я не должен с тобой работать, если ты не ощущаешь потребности в моей помощи и не просишь о ней.
- А если я попрошу?
- Тогда другое дело.
- Ну, считай, что я попросила.
- Настя, Настя, – Дюжин рассмеялся и потрепал ее по плечу, – не лукавь. Я не буду показывать тебе фокусы. Если ты искренне считаешь, что у тебя нет внутренних психологических проблем, которые мешают тебе жить, то не надо меня обманывать.
- Но, может быть, они есть, а я про них не знаю. Ты можешь их обнаружить при помощи кинезиологии?
- Могу, – кивнул Павел. – Но не стану. Ты не нуждаешься в помощи, ты просто пытаешься меня заставить достать кролика из шляпы. А кстати, проблема у тебя есть, и, может быть, даже не одна.
- Да? – удивилась Настя. – Откуда ты взял?
- Оттуда, что у тебя нога не перестает болеть, хотя по всем медицинским критериям она должна уже быть в гораздо лучшем состоянии.

– А нога-то тут при чем?

– Если болит левая нога, это может означать, что ты идешь не по тому пути в своих отношениях с каким-то мужчиной. Или ты умом понимаешь, по какому пути нужно идти, но отчего-то не делаешь этого. В любом случае проблемы с ногами – это проблемы выбора пути, а левая сторона – отражение проблем с мужчинами. Вот и думай.

– Это что, тоже кинезиология?

– Нет, это другая практика. – Дюжин посмотрел на часы. – Извини, Настюха, мне пора. Я ответил на твои вопросы?

– Ну так... – промямлила она, – отчасти. Я почти все поняла, но почти ничему не поверила.

– Так тебе для раскрытия преступления верить и не нужно, тебе нужно понимать, чем занималась твоя потерпевшая. Значит, в пятницу в десять утра я сюда приеду и отвезу тебя на дачу. Договорились?

– Спасибо, Паша, – уныло ответила Настя, изо всех сил выдавливая из себя благодарную улыбку.

* * *

– Николай Александрович, можно? – В приоткрытую дверь осторожно просунулась голова одного из оперативников, работавших по убийству Галины Васильевны Аничковой.

Селуянов оторвался от бумаг, которые нужно было составлять ежемесячно и почему-то с каждым месяцем во все возрастающем количестве.

– Заходи. Что у тебя?

– Мы тут смотрели эти... ну, бумаги...

– Какие конкретно?

– Ну эти... которые у Аничковой из квартиры изъяли...

Пауза. Селуянов терпеливо ждал. Парнишка был в общем-то толковый, но вот с речью прямо беда. Выдавливает слова в час по чайной ложке, да и те не всегда внятные. Поначалу Коля злился, поторапливал молодого опера, прикрикивал, критиковал, потом смирился и научился терпеть. Став руководителем, он начал несколько иначе смотреть на жизнь. Если не сработается с подчиненным, он уйдет, а кто работать будет? За раскрытие преступлений-то с него спрашивают, с зама по оперработе, а он с кого станет спрашивать, если все разбегутся?

– Так. И что в бумагах? Что-то не так?

– Там... это... листка не хватает... вырван...

– Откуда вырван? Из ежедневника? – Селуянов изо всех сил помогал косноязычному парню.

– Ну да, я и говорю.

Вообще-то, ничего подобного про ежедневник он пока не сказал, но зато сумел произнести связную фразу, уже хорошо.

– За какое число листка не хватает?

– Вот... я, это... принес показать.

С этими словами оперативник вытащил откуда-то из-за пазухи ежедневник и протянул начальнику.

– А следователю ты звонил? Доложил?

– Так он, это... Неохота ему... сказал, чтоб сами...

– Что – сами? Витя, что сказал следователь? Чтобы мы сами назначили экспертизу? Чтобы сами ее провели? Или что сами-то?

– Я, это... не знаю...

Витя, похоже, испугался всерьез, хотя Селуянов откровенно шутил, потому что даже юристу-первокурснику известно, что выносят постановление о производстве экспертизы именно следователи, и только они, а никак не оперативники, и проводят эту экспертизу эксперты, а опять же не оперативники. Но следователь, который вел дело об убийстве кинезиолога Аничковой, был откровенно ленив и плохо подготовлен в профессиональном плане, лишней работы себе не искал, все бумаги, изъятые на квартире убитой женщины, тут же отдал оперативникам, дескать, пусть копаются, и Коля подозревал, что в данном случае он посоветовал розыскникам самим попробовать посмотреть в косопадающем свете, нельзя ли восстановить записи на вырванном листке по следам, оставленным на соседних страницах. А уж если нельзя, тогда он, так и быть, назначит экспертизу. Отсутствие служебного рвения со стороны следователя объяснялось тем, что убийство Аничковой было рядовым и особого внимания начальства не привлекало. Во всяком случае, по этому преступлению его не будут дергать каждый день с отчетом о ходе следствия, так что можно особо не надрываться.

– Ну, давай поглядим, что там у нас, – миролюбиво произнес Селуянов, протягивая руку за ежедневником.

Вырванным оказался листок за 5 и 6 сентября, соответственно, четверг и пятницу. Если бы покойная Галина Васильевна вела образ жизни домохозяйки, то шансы на успех можно было бы считать весьма высокими, ведь на следующей странице оказались суббота и воскресенье (по полстранички на день), и, весьма вероятно, они были бы пусты, так что следы от записей за 5 сентября почти наверняка можно было бы увидеть даже без экспертизы. Но увы, Аничкова планировала дела и на выходные, и на праздничные дни, так что без специальных приборов недостающие записи никак не восстановить.

– Значит, так, Витек. Ежедневник прямо сейчас везешь следователю. Но! – тут Селуянов предостерегающе поднял палец. – Перед этим находишь несломанный ксерокс и снимаешь копию со всех страниц за десять дней до вырванного листка и за десять дней после него. Понял?

– Понял, Николай Александрович.

– Не напутаешь?

– Не.

– Ничего не забудешь?

– Не, я, это... понял все...

Да понял, конечно, кто ж сомневается. Ничего сложного. Сложное начнется потом, когда в ожидании заключения экспертов (хорошо, если пару недель, а то ведь и месяц) оперативники будут искать всех людей, с которыми потерпевшая встречалась за десять дней до 5–6 сентября и в течение десяти дней после. Может быть, она кому-нибудь говорила, какие именно дела запланированы у нее на эти дни. Или впоследствии делилась впечатлениями... Времени прошло много, воспоминания у людей уже не очень отчетливые, размытые, даты путаются, события переплетаются. И в итоге оперативники наверняка вытащат «пустышку», потому что окажется, что Галина Васильевна сама вырвала этот злосчастный листок, чтобы что-нибудь записать на нем или, к примеру, отгрызок яблока завернуть, или свернуть кулечек и сделать из него самодельную пепельницу.

А кстати, как это в принципе могло произойти? Ежедневник большой, такой в сумке не носят, его держат дома. Значит, листок могла вырвать или сама Аничкова, или ее племянник-алкаш, или кто-то из визитеров. У Аничковой теперь не спросишь, у племянника без предварительной подработки вопроса тоже спрашивать бесполезно, он будет все отрицать, если не запастись заранее аргументами. А вот визитеры...

Селуянов сорвал телефонную трубку, надеясь, что оперативник Витя еще не уехал к следователю. Ему повезло, Витя оказался на месте.

– Виктор, сделай ксерокопию со всех страниц. Не за десять дней до и после, а со всех, ты понял?

– Ага, – пробасила трубка.

Ладно, Витек сделает все как надо. А дальше? Осталось уговорить Рокфеллера.

* * *

Нет, не зря Настя не любила дачи и выезды на природу. Уже в первые часы пребывания в загородном домике Дюжина ее охватила такая тоска, что вешаться впору. Дождь, лес за окном серо-черный, мокрый, печальный, и никакого «очей очарования», никаких в багрец и золото одетых деревьев, все лгал поэт, обманывал, а может, про другое время осени писал, про сентябрь.

Утром все как-то быстро и удачно организовалось, к десяти часам в госпиталь приехал не только Павел Дюжин, но и Чистяков, и Юра Коротков. Все вместе они доехали до поселка с весьма романтичным и многообещающим названием Болотники, выгрузили Настю с палкой и Чистякова с тремя сумками, в одной из которых были книги, собранные по составленному заранее списку, в другой – видеокассеты, в третьей – Настины вещи. Дом оказался просторным, двухэтажным, со всеми удобствами и даже с отдельной ванной для гостей. Он ничем не напоминал те деревянные домики, которые в Настином сознании были связаны с понятием «дача».

Павел съездил в магазин и привез на дачу его хозяина для личного знакомства с госпожой Каменской. Хозяин был весел и любезен, оставил свой телефон и заверил Настю, что она может звонить в любое время, и все будет доставляться ей в течение получаса. Потом Настю на машине отвезли в местное лечебное учреждение, на инвалидном кресле довели до кабинета главврача и решили все вопросы с процедурами, которые, разумеется, будут проводиться на дому.

Потом ели вкусные бутерброды и пили чай, много шутили, веселились. А потом стали разъезжаться – рабочий день, всем надо на службу.

– Ну что, мать, дорогу я теперь знаю, так что не заскучаешь, – бодро говорил Юра Коротков. – Буду тебя навещать, докладывать криминальную обстановку в городе.

– Я тоже буду приезжать, – пообещал Павел. – Но в любом случае ты сразу же звони, если что.

Чистяков уезжал последним, минут через десять после Дюжина и Короткова.

– Асенька, продержишься до вечера? – Он с тревогой всматривался в ее бледное лицо. – Я после работы приеду.

– Не нужно, Лешик. Тебе добираться придется часа два.

– Смотря где и какие пробки, – философски заметил муж, – может статься, что и все три. В пятницу вечером Кольцевая дорога забита, и через город тоже не проедешь. Но я все равно приеду, потому что ты никогда в жизни не ночевала одна в пустом доме за городом. А вдруг ты начнешь бояться?

– Не начну.

Она старательно строила из себя мужественную и спокойную подполковника милиции Каменскую, хотя на самом деле ее с каждой минутой все сильнее охватывала паника. Какая здесь тоска! Как здесь страшно! Она не выдержит и двух дней, куда там месяц!

– Я приеду, – мягко, но непрекесимо закончил дискуссию Алексей. – Завтра суббота, я пробуду с тобой до вечера воскресенья, а там решим. По крайней мере две ночи ты проспишь под моим чутким руководством, а дальше видно будет.

До вечера воскресенья Настя крепилась изо всех сил. Приступы панического страха охватывали ее по каждому поводу, начиная от незнакомого звука и кончая незнакомыми запахами. Ей, всю жизнь прожившей в городе, невдомек было, что жилье в многоквартирном доме и отдельно стоящий дом за городом звучат и пахнут совершенно по-разному, она не была к этому готова, во всем ей мерещились признаки подступающей опасности, она вздрагивала, облива-

лась холодным потом, роняла палку и с трудом унимала сердцебиение. Она не привыкла к просторам, к тому, что из окна видно бесконечное серое небо и бездонный мрачный лес, эта бесконечность и бездонность давили на нее невыносимой тяжестью.

Но Чистякову не нужно было знать об этом. Ему действительно далеко добираться, и Настя не хотела, чтобы он приезжал к ней ночевать каждый день и по утрам вскакивал ни свет ни заря, проводя ежедневно за рулем по пять-шесть часов. Ни к чему это. От их квартиры на «Щелковской» дорога на работу занимала у Алексея куда меньше времени, чем отсюда, из Болотников, и, когда они жили в Москве, проблема ежедневных поездок Чистякова в институт в Жуковском стояла не так остро, как она встала бы, если бы он решил жить на дюжинской даче вместе с женой. Настя жалела мужа и ни за что на свете не призналась бы, что не хочет жить на этой даче одна. Она вообще не хочет здесь жить. Но, к сожалению, пока больше нигде.

В субботу и воскресенье Алексей, несмотря на Настино нытье, заставил ее выйти на прогулку и походить хотя бы пятнадцать минут. Оба раза она возвращалась в дом ослабевшая и потная от боли.

– Я не могу ходить так долго, – жаловалась она, – если нужно набирать объем тренировок, то пусть это будет пять раз по три минуты. Три минуты я еще могу вытерпеть.

– Асенька, доктор сказал – прогулка не менее пятнадцати минут подряд, и с каждым днем надо минуты прибавлять. Иначе ты не поправишься.

Ей хотелось закричать, зашвырнуть палку куда-нибудь подальше, лечь на кровать и не вставать больше никогда. Ей хотелось разрыдаться от боли и тоскливого страха. Но – нельзя. Пока Леша здесь, надо держать себя в руках.

В воскресенье вечером они попрощались до следующей пятницы. Настя храбрилась и говорила, что ей здесь нравится и она с удовольствием поживет в покое и тишине наедине с собой. Чистяков глядел на нее недоверчиво и повторял, что, если только услышит в ее голосе что-нибудь не то, немедленно приедет, и пропади она пропадом, эта работа.

Вот за ним закрылась дверь. Вот заворчал двигатель машины, зажглись фары. Вот и звук и свет стали удаляться.

И тут Настя дала себе волю. Она рыдала громко, отчаянно, захлебываясь и задыхаясь, сморкаясь и кашляя. Она стучала палкой по полу, била кулачками по мягкой кровати, она отдавалась истерике самозабвенно, не сдерживая себя и не пытаясь успокоиться.

А потом внезапно уснула.

* * *

Зоя Петровна Кабалкина чувствовала себя абсолютно счастливой женщиной. Понимание того, что она счастлива, пришло к ней более трех десятков лет назад и с тех пор не покидало ни на один день. Она обожала своего мужа и твердо знала, что он отвечает ей такой же сильной и глубокой любовью. Они вырастили чудесную дочь Любочку, добрую, веселую, неунывающую, подарившую им двух очаровательных внучат. Правда, было время, когда старшая дочь Зои Петровны, Анита, отдалилась от нее и вроде как оторвалась от семьи, но и эта трещина к настоящему времени давно заросла. Анита с годами стала мудрее и терпимее, сдружилась с Любочкой, и теперь недели не проходит, чтобы не навести Зою Петровну, ее мужа и своих деда с бабушкой – Зоиных стареньких родителей, которые, благодарение судьбе, все еще живы и вполне бодры, несмотря на весьма преклонные года: бабушке Прасковье как раз сегодня исполняется девяносто, а деду Петру и вовсе девяносто три стукнуло.

В первый раз Зоя Петровна вышла замуж в девятнадцать лет. Была она в ту пору студенткой Института кинематографии, которая удачно попала на глаза кинорежиссеру, подыскивавшему юную актрису для своего нового фильма. Зоя была сказочно хороша собой и не лишена таланта, кинопробы прошла успешно и снялась у именитого режиссера в главной роли.

Слава обрушилась на ее прелестную головку с мощностью Ниагарского водопада и со столь же сокрушительными последствиями. Ее фотографии печатались на обложках журналов и во всех газетах, ее узнавали прохожие на улицах, ее окружали толпы поклонников, просивших автографы. И у нее, конечно же, мгновенно сложилось твердое убеждение в том, что ей отныне уготована блестящая жизнь, полная праздников и удовольствий.

В эту схему как нельзя лучше вписался известный художник, дважды лауреат Сталинских премий Станислав Оттович Риттер, с которым Зоя познакомилась в Кремле на приеме по случаю десятой годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Риттер был на семнадцать лет старше и к тому же женат, но это ничему не помешало. Развод с первой женой он оформил в рекордно короткие сроки, после чего сделал официальное предложение молодой кинозвезде, которая к тому времени снялась еще в одном фильме, не менее ярком и успешном, чем предыдущий.

Станислав Оттович вел свою родословную от тех самых немцев, которые приехали в Россию еще во времена Петра Великого, и давно уже Риттеры превратились в самых настоящих русских, хотя знание немецкого языка передавалось из поколения в поколение и считалось в семье обязательным. В глазах Зои знаменитый художник был окружен ореолом «заграничности», и это существенно прибавляло ему привлекательности наряду с такими немаловажными факторами, как слава, наличие огромной квартиры в «высотке», автомобиля и дачи. В «высотках» жили в те времена только «самые-самые», да и автомобили в личной собственности встречались куда как нечасто. Вдобавок ко всему Риттер был статным элегантным мужчиной, умел красиво ухаживать и ввел свою юную возлюбленную в круг самых известных людей страны – писателей, музыкантов, художников, крупных ученых.

Одним словом, Зоенька ни секунды не сомневалась в том, что более подходящего мужа для нее просто быть не может.

И разумеется, во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов знаменитая молодая актриса Зоя Риттер принимала самое активное участие во множестве мероприятий. На одном из концертов она познакомилась со студенткой из Испании, дочерью пламенного борца с франкистским режимом, Хуанитой Геррера. Хуанита довольно прилично говорила по-русски, и девушки быстро сдружились. Узнав, что Зоя на четвертом месяце беременности, Хуанита радостно заявила:

– Мы с тобой теперь сестры, и давай договоримся, что я буду крестной матерью твоего ребенка.

– Но ведь ребенок родится, когда тебя не будет в Москве, – возразила Зоя. – И потом, у нас крестить нельзя, за это могут из комсомола исключить.

– Да? – Испанка призадумалась, потом решительно тряхнула головой. – Ну и что? Пусть это будет нашей тайной. Мы сейчас придумаем имена для мальчика и для девочки, и ты дашь мне слово, что назовешь ребенка именно так, как мы придумаем. А я буду всегда молиться за своего крестника.

На том и порешили. Имена выбирали долго и вдумчиво, обоим хотелось, чтобы имя Зоино малыша было хоть как-то связано с испанской крестной. Мальчика решили назвать Иваном, поскольку сочли, что Иван аналогичен Хуану, для девочки же выбрали имя Анита.

Родилась девочка. Уже лет в шесть, узнав историю происхождения своего имени, она буквально заболела Испанией. К десяти годам Анита прочла огромное количество книг, где был хотя бы один абзац, посвященный истории или культуре этой страны. Она упростила мать найти педагога по танцам, чтобы научиться танцевать фламенко. Она училась в музыкальной школе по классу гитары и ходила три раза в неделю на уроки испанского языка.

Педагог по танцам преподавал в театральном вузе, и когда для какого-то фильма понадобилось найти девочку-подростка, танцующую фламенко, имя Аниты Риттер всплыло самым естественным образом. Красивая, умненькая не по годам, не только танцующая, но и играю-

щая на гитаре (а это значит, что можно снимать не только крупные планы лица, но и общие планы, на которых видны руки) девочка оказалась для создателей фильма настоящей находкой. Под нее даже сценарий был переписан, чтобы из крошечного тридцатисекундного эпизодика получилась роль минут на пять со словами.

С ролью Анита справилась более чем удовлетворительно, и Зоя Риттер с полным правом с этого момента считала, что жизнь ее удалась. Мало того, что собственная карьера в кино состоялась, так еще и муж всем на зависть, и дочка – матери на радость.

Однако очень скоро ей пришлось свои взгляды пересмотреть. И причиной стал веселый и обаятельный мастер станции техобслуживания, который чинил Зоину «Победу». И что уж в нем было такого необыкновенного, Зоя поначалу даже не поняла. Ну парень, лет на пять моложе ее самой, ну глаза яркие, ну зубы белые, ну смех заразительный да улыбка веселая. И что? Разве это может перевесить все достоинства, которыми обладает Станислав Оттович? Конечно, не может. А то, что рядом с Гришей Кабалкиным Зою охватывают какие-то ранее неведомые ощущения не то тяжести в ногах, не то легкости в голове, так это сушая ерунда, это так... Как «так», она додумать не могла, потому что действительно ничего похожего никогда не испытывала.

Тем не менее после знакомства с Григорием Зоя стала вдруг необыкновенно остро ощущать тяжесть бремени быть женой самого Риттера. Она и раньше замечала свое несоответствие уровню образованности мужа и его друзей и старалась побольше молчать и не высовываться, чтобы не ляпнуть что-нибудь эдакое, из-за чего Станиславу Оттовичу придется ее стесняться. Муж постоянно давал ей понять, что у нее провинциальные замашки и плебейские вкусы, Зоя же принимала критику как должное, внимала супругу с открытым ртом, одевалась только так, как ему нравилось, и делала только то, что он велел. Необходимость соответствовать «самому Риттеру» превратилась в тяжкий ежедневный труд, но Зоя считала его неизбежным элементом той красивой жизни, для которой, как она полагала, была создана, и безропотно меняла наряды и следила за каждым своим словом, повинаясь указаниям мужа.

И вдруг оказалось, что можно болтать часами на любые темы, не боясь показаться глупой и необразованной, можно носить кофточки с рюшечками, которые ей так нравятся и которые вызывают у Риттера гримасу брезгливости, и при этом слышать, что она самая нарядная, самая чудесная, самая красивая, что с ней легко и радостно.

Зое понадобилось несколько месяцев, чтобы осознать, что происходит. Истина открылась ей в тот момент, когда она поняла, что беременна. Разумеется, не от мужа. Ни о каком аборте даже речь идти не могла, она была счастлива, она хотела этого ребенка. Она больше не хотела блистать рядом со светским мужем, она хотела только одного: выйти замуж за Гришу Кабалкина, варить ему борщи, стирать носки и рубашки, родить ребенка и воспитывать его. Зоя поняла, что волею судьбы попала не в свою колею и живет не своей жизнью, что кино и богема, светская жизнь и светские интриги – для других, а ее призвание – быть женой и матерью. Причем женой именно Григория Кабалкина, а не кого-то другого, и матерью именно его ребенка, а не чьего-то еще.

Хорошее воспитание Станислава Оттовича позволило обойтись без грандиозного скандала. Зоя быстро собрала вещи и вместе с Анитой переселилась к Грише в однокомнатную квартирку в хрущевском доме. Через месяц был оформлен развод, еще через месяц сыграли свадьбу, Зоя сменила фамилию и из Риттер превратилась в Кабалкину, а вскоре родилась Любаша.

После родов Зоя сильно располнела, но не предпринимала ни малейших усилий, чтобы привести фигуру в порядок. Пару раз ее приглашали на кинопробы, но, увидев вместо стройной красавицы бесформенную тушу, даже не пытались скрыть разочарование. Очень скоро о ней как об актрисе все забыли, но ни Зою, ни ее нового мужа это не расстроило. Гриша манипулировал запчастями и очень прилично зарабатывал, сама же Зоя, отсидев положенный срок

в декретном отпуске, устроилась в Дом пионеров руководить театральным кружком. Станислав Оттович исправно платил солидные алименты на Аниту, пока той не исполнилось восемнадцать. Одним словом, семья отнюдь не бедствовала.

Анита, правда, так и не сумела полюбить веселого и обаятельного Гришу, хотя виду не показывала, была вежливой и послушной девочкой. Закончила школу с золотой медалью, легко поступила в инженерно-физический институт, рано вышла замуж (по стопам матери пошла) и от семьи оторвалась. В двадцать пять лет стала кандидатом наук, в двадцать девять – доктором, и Зоя гордилась своей необыкновенной дочерью, такой умной и талантливой. А то, что они редко видятся, – ну что ж, у Аниты своя жизнь, своя наука, свои друзья. Да и характер у нее такой... холодноватый. Металлический характер. Будь он другим, разве сумела бы Анита так много и упорно учиться с самого детства, и в общеобразовательной школе, и в музыкальной, да на одни пятерки, да вдобавок танцы и испанский язык, и еще кружки какие-то.

Зато младшая дочь, Любочка, характером пошла в Зою и Григория, теплая, родная, любящая. В школе училась спустя рукава, никаких дополнительных знаний приобрести не стремилась, зато всегда была окружена друзьями, которых неизменно приводила домой, знакомила с родителями и угощала мамиными пирогами. После школы поступила в какой-то непрестижный институт (в престижный с ее знаниями даже и пытаться было бы глупо), училась на бухгалтера, а в 1990 году, когда получила диплом, устроилась при помощи тогдашнего своего кавалера на частное предприятие. И, к немалому удивлению Зои, стала получать хорошую зарплату, о какой в прежние времена бухгалтеры и не мечтали.

Дальше события стали развиваться с той же скоростью, с какой менялась экономическая ситуация. В ходе приватизации Григорию Кабалкину удалось стать владельцем станции техобслуживания, Любочка же, освоив бухгалтерские премудрости и набравшись опыта, быстро пошла в гору и добралась до должности финансового директора крупной фирмы. Замуж, правда, так и не вышла, зато двоих детишек родила от мужчин, которых любила, а это, по мнению Зои Петровны, дорогого стоило. Гриша заработал достаточно, чтобы купить новую большую квартиру, и они забрали из провинции престарелых родителей Зои Петровны, которым уже трудно стало жить без посторонней помощи.

Одним словом, жизнь свою Зоя Петровна Кабалкина считала удавшейся и счастливой, и даже Анита в последние годы словно приблизилась к семье, стала часто бывать у них, а звонит так и вовсе каждый день. И к Грише хорошо относится, и с Любочкой дружит. Старшей дочери уже сорок пять, к этому возрасту мудрость приходит и понимание того, что дороже любви и теплого отношения ничего на свете нет. Наверное, и Анита это поняла.

* * *

Первой, как обычно, прибежала Любочка с ребятишками, мальчиками пяти и трех лет. Расцеловала родителей и пошла поздравлять бабушку с девяностолетием. Следом за ней к матери зашла и Зоя, держа внуков за руки. Бабка Прасковья сидела в кресле нарядная и сияющая, морщинистые щеки порозовели, спрятанные в складках глаза блестели, она с удовольствием разглядывала Любочкины подарки: красивую вязаную кофту, меховые тапочки и высокую стопку любовных романов и детективов. Зоя Петровна наугад раскрыла две-три книги – шрифт крупный, молодец, девочка, знает, какие бабке подарки выбирать. Прасковья – заядлый книголюб, только зрение уже не то, мелкий шрифт ей читать трудно.

– А Нюточка когда придет? – спросила Прасковья, усаживая к себе на колени младшего правнука.

– Скоро, мама, скоро, не волнуйся, – ответила Зоя. – Придет твоя Нюточка.

– И опять одна? – продолжала допрос мать.

– Наверное.

– Господи, что ж она замуж-то не выйдет никак! Ребеночка бы родила, что ли, вот как Любаша, а то так бобылкой и помрет.

– Мама, Анита уже была замужем, ты что, забыла? – засмеялась Зоя.

– Была-то была, а только раз детей нет, так и не замужество это, а так, баловство одно, плотские утехы. Ох, жалко мне девку, неудалая она какая-то у вас получилась.

– Да что ты, бабуля, – Любаша горячо встала на защиту сестры, – ну какая же Анита неудалая? Умница, красавица, доктор наук. И не смей ее жалеть, она в полном порядке. Знаешь, как сейчас говорят? «В полном шоколаде».

– В шоколаде? – недоверчиво повторила старуха вслед за внучкой и усмехнулась: – Ну ладно, коли так.

И тут же снова вздохнула:

– Все равно жалко ее. Вот хоть и умница, и доктор наук, а бабьего счастья у нее нет. Мужика бы ей хорошего надо.

– Да есть у нее мужик, бабуля, что ж ты так переживаешь!

– Ой, Любка, разве ж это мужик? Драчун-прыгун, одно слово.

Тренькнул дверной звонок. Зоя Петровна метнулась в коридор и тут же снова заглянула в комнату.

– Анита идет. Мама, я тебя умоляю, не заводи при ней этих разговоров. Ты же знаешь, она обижается.

– А чего ей на меня обижаться? – резонно возразила Прасковья. – Я ведь правду говорю, ничего не выдумываю. Бобылка и есть.

– Мама!

Но Зоя Петровна опоздала с предупреждениями. Муж успел открыть дверь, и вошедшая Анита услышала окончание разговора.

– Это кто бобылка? Опять я? – весело спросила она прямо с порога. – Привет, мамуся. Привет, дядя Гриша. Снова бабушка завела свою шарманку?

– Ой, да не обращай ты внимания, – засуетилась Зоя Петровна, принимая у дочери объемистый пакет с подарками для именинницы. – Мелет сама не понимает что.

Анита повесила на вешалку дорогое элегантное пальто, поправила перед зеркалом прическу, которая и без того была идеальной – гладкой, без единого выбившегося волоска, с тяжелым узлом на затылке. Такую прическу она носила с пятнадцати лет и ни разу не меняла.

– Как я выгляжу, мамуся?

– Прекрасно, – улыбнулась Зоя Петровна. – Ты молодеешь с каждым годом. Как тебе это удается?

Анита молча пожала плечами и улыбнулась:

– Тайны природы, наверное. Ну, где наша юбилярша? Пойду поздравлю ее. Заодно выслушаю очередную порцию вздохов о моей неудавшейся жизни. Да ладно, мамуся, – Анита рассмеялась, заметив, как мгновенно помрачнела Зоя Петровна, – не волнуйся, я не обижаюсь на бабушку. У нее свои представления, у меня – свои. Не ссориться же из-за этого с родными, правда? Что бы она ни говорила, она остается моей бабушкой, то есть твоей мамой, а если бы она не родила тебя, то не было бы и меня, поэтому я всегда буду ей благодарна, что бы она ни вытворяла.

Зоя Петровна проводила глазами старшую дочь, скрывшуюся в комнате родителей, и в очередной раз мысленно возблагодарила судьбу за то, что Анита стала такой мудрой и доброй.

Через полчаса вся семья сидела за обильно накрытым столом. Зоя Петровна зорко следила за тем, чтобы тарелки у всех были полны, и краем уха прислушивалась к разговору между дочерьми.

– Ты Валерку давно не видела? – спросила Любочка у Аниты.

– Недели две, наверное. Он в командировку уезжал, недавно только вернулся. А что?

– Я вчера с ним встречалась, – Люба понизила голос. – По-моему, с ним что-то не то. Ты не замечала?

– Да нет вроде бы. С женой у него не то, это точно. А с ним самим все в порядке.

– Нет, Анита, он вчера странный был какой-то... напряженный. Разговаривает со мной, а сам о чем-то другом думает, отвечает невпопад.

– Значит, на работе проблемы, обычное дело, – беззаботно ответила Анита. – Хотя...

– Что? – встрепелась Люба, даже вилку положила.

– Нет, ничего, Любаша. Ничего, – Анита покровительственно похлопала сестру по руке. – Не беспокойся. У Валеры бизнес, а там в любой момент могут возникнуть неприятности.

Зоя Петровна тихо радовалась. Мало того, что Анита вернулась в семью, мало того, что с Любочкой подружилась, так она и с Валерой общается, и Любочку с ним познакомила. Станислав Оттович был в шоке от того, что молодая кинозвезда променяла его на мастера из авто-сервиса, да еще на несколько лет моложе себя, и единственным способом выхода из шокового состояния ему виделась новая женитьба. Женился он, как и в первые два раза, на девушке девятнадцати лет от роду. Он еще Зое в свое время объяснял, что девятнадцать лет для него возраст магический. Восемнадцать – слишком близко к несовершеннолетию, а двадцать – это уже двадцать, это уже не то. Только девятнадцатилетняя девушка имела шанс стать женой Риттера.

Станислав Оттович женился очень быстро, и сын в новом браке появился меньше чем через год после рождения Любочки. Риттер никогда не делал попыток познакомить Аниту с единокровным братом, он вообще словно забыл о существовании дочери. Конечно, Аните было обидно, но она сумела переступить через свои детские чувства и после смерти отца познакомилась наконец с Валерием и его матерью и женой. А потом и Любочку с ними познакомила. Они стали хорошими друзьями. Ведь как это неправильно, когда на свете живут родные люди и не видятся друг с другом. Анита росла одна, на маленькую сестренку внимания не обращала, да и некогда ей было, все училась, занималась, а когда к мужу переехала, Любаша только-только в школу пошла. Так что и младшая девочка, считай, без сестры выросла. И Валерик всю жизнь был один. Зато как хорошо, что они теперь все вместе – две сестры и брат! И пусть Любочка с Валериком не родные, все равно они брат и сестра, настоящие друзья. Какая же Анита молодец, какая же умница!

Зажужжал мобильный телефон, висящий у Любы на поясе джинсов.

– Да, слушаю, – по-деловому порывисто ответила она на звонок и тут же залилась краской, занервничала.

– Сейчас, минутку, здесь шумно, я выйду в коридор, – быстро проговорила она и стала протискиваться между стульями к выходу из комнаты.

«И ничего здесь не шумно», – машинально подумала Зоя Петровна, начиная собирать грязные тарелки, чтобы накрывать сладкий стол. Взглянув на старшую дочь, поймала насмешливое выражение ее лица и поняла, что Анита думает примерно то же самое. Отчего-то Люба не захотела разговаривать при всех, хотя своих кавалеров никогда от семьи не прятала и отношений с ними не скрывала. Что бы это значило?

Со стопкой тарелок в руках Зоя Петровна вышла в коридор и направилась в сторону кухни. Любы в коридоре не было, но ее приглушенный голос доносился из ванной. Зоя Петровна подошла поближе, остановилась, прислушалась. И не поняла ни слова. Дочь говорила по-немецки. Зоя Петровна могла отличить немецкий язык на слух, но знала в общей сложности, наверное, пять слов, может, семь. Так что сути разговора, как ни силилась, уловить не могла.

Расставляя на столе чайные и кофейные чашки, она снова наткнулась на глаза Аниты. На этот раз в них был вопрос, а не насмешка.

– Ты представляешь, – тихонько сообщила Зоя Петровна, – она там заперлась в ванной и разговаривает по-немецки.

- По-немецки? – недоумевающе переспросила Анита. – Ты уверена?
- Ну конечно. Не забывай, кем был твой отец. Уж немецкий-то язык я как-нибудь отличу от любого другого.
- Странно, – задумчиво произнесла Анита и нахмурилась. – Очень странно.

* * *

Они всегда встречались в маленьких уютных барах, занимали столик в углу и старались не беседовать слишком долго. Майор Харченко вовсе не стремился к тому, чтобы о его регулярных встречах с журналистом знала широкая общественность. Издание, которое представлял Петр Маскаев, называлось «Вестник бизнеса» и было одним из самых многотиражных в стране, и информация, которую Харченко периодически «сливал» своему приятелю, немедленно обретала форму скандального журналистского расследования. Тиражи газеты обеспечивали издателям высокие доходы, а это, само собой, вело к тому, что и платили за информацию, не жадничая. Скучное майорское жалованье Владимира Харченко весомо подкреплялось поступлениями из издательского кармана, что позволяло ему существовать если не роскошно, то вполне безбедно. У него были собственные источники информации, и получаемые от них сведения он делил на те, которые можно преобразовать в уголовное дело, и те, которые для правосудия были слабыми или не подходили вовсе, но для скандала в прессе вполне годились. Вот эти-то сведения он и отдавал, разумеется, небезвозмездно, Петру Маскаеву. И не только ему одному, газет-то много...

– Любопытная история. – У Маскаева горели глаза, он, слушая майора, уже представлял себе заголовок и даже составил в уме две первые фразы. – Надо же, такие люди уважаемые, такой фонд громкий, репутация безупречная – и такие грязные махинации. А эта фирма подставная, через которую деньги крутятся, как называется?

– «Практис-Плюс». Все было бы шито-крыто, если бы у фирмы с финансами все было в порядке. Но там есть неувязки, за которые мы и зацепились и вытащили весь клубок. Смотреть будешь?

– Ну а как же! Здесь смотреть или с собой дашь?

– Бери, – улыбнулся Харченко, – это копии, я специально для тебя сделал. Там маркером помечены строки, на которые и надо обратить внимание, в них вся соль.

– Спасибо. – Маскаев сделал последний маленький глоточек из чашки с кофе и отодвинул ее в сторону.

Полез в кожаную сумку, висящую на спинке стула, достал узкий белый конверт, протянул майору:

– Как обычно.

– И тебе спасибо.

Конверт мгновенно переключался во внутренний карман хорошо сшитого пиджака Харченко. С делами покончено, теперь можно расслабиться и потрепаться о чем-нибудь нейтральном, недолго, минут десять, пока майор допьет свой коньяк.

– Как семейная жизнь? – поинтересовался Маскаев. – Приносит радости? Или уже наступили разочарования?

Он знал, что его милицейский информатор недавно женился, и хотел проявить вежливость.

– Разочарований пока нет, а радости... – Харченко пожал плечами и усмехнулся. – Я, Петя, уже не мальчик, какие такие радости могут меня удивить? Что ж я, по-твоему, с бабами никогда не жил?

– Ну, то с бабами, а то с женой, – возразил журналист, – есть же разница.

– Да брось ты, – Харченко пренебрежительно махнул рукой, – никакой разницы, все одно и то же.

– Зачем же ты женился? Жил бы просто так. Или она просто так не хотела?

Все-таки степень их дружеской близости была отнюдь не такой, чтобы обсуждать столь интимные переживания. Харченко понимал, что вопросы журналиста – не более чем вежливая болтовня, дежурные потуги создать видимость теплых отношений, дабы не утратить такой ценный источник информации из МВД. Поэтому ответил коротко и тоже дежурно, как отвечал на этот же вопрос многим другим:

– Пора уже, а то на работе косо смотрят, подозревают, что я «голубой».

Что ж, тема исчерпана, дело сделано, кофе и коньяк выпиты. Можно расплачиваться и расходиться по рабочим местам, в Главное управление по экономическим преступлениям и в редакцию одной из самых популярных и читаемых газет страны.

* * *

В понедельник утром Настя Каменская проснулась притихшей и подавленной. Никакой паники, никакой взбудораженности и в помине не было. На нее навалилась каменная апатия, когда не хочется ни пить, ни есть, ни шевелиться, ни глаза открывать. Даже дышать не хочется. Но зато хочется в туалет, поэтому вставать и шевелиться все равно придется.

Она умылась, выпила чашку кофе, потом две чашки чаю и попыталась составить примерное расписание на день. Когда идти на эшафот, то бишь на прогулку, – сейчас, перед обедом или после него? Сейчас не хочется, но потом может пойти дождь... Хотя может и не пойти, зато сейчас можно почитать или посмотреть какой-нибудь фильм... Но если она отложит прогулку на потом, а дождь все-таки пойдет, то пятнадцать минут лечебной ходьбы превратятся в двойную пытку...

Нет, непродуктивно она мыслит! Настя даже рассердилась на себя. Такой простой вопрос не может решить! Что-то мешает ей думать, что-то скребет в душе, портит настроение, ноет, как незажившая ранка, которую все время теребят, сковыривая едва наростшую корочку.

Это все Паша Дюжин со своими космическими законами и советами присмотреться к собственным проблемам. Нет у нее никаких проблем, тем более с мужчинами. Да и откуда им взяться? В ее жизни существует только один мужчина – ее муж Леша Чистяков. Разве в ее отношении к нему есть что-то неправильное? Она любит его как мужчину, ценит как друга и советчика, не изменяет ему даже мысленно. Что в этом может быть неправильного?

Отчим? Нет, с ним отношения сложились с самого начала, как только мама вышла за него замуж, Настя называет его папой, любит как родного, и ни разу никаких конфликтов между ними не было.

Брат Саша – сын ее отца от второго брака? Тоже никаких проблем, они искренне привязаны друг к другу, дружат семьями, ходят друг к другу в гости. Правда, скоро год, как они не виделись, но это потому лишь, что Саша решил какое-то время пожить с семьей за границей. Через несколько месяцев они вернутся, и все снова будет как прежде.

Все остальные мужчины, с которыми ее связывают хоть какие-то отношения, – это ее коллеги по работе или начальники. С ними тоже никаких проблем.

Но почему же так зудит, так ноет ранка? Почему ее так задели слова Дюжина? Или все-таки есть у нее проблема, в которой она сама себе не хочет признаваться?

Она пойдет на прогулку прямо сейчас и будет думать, думать, думать. Авось за процессом мыслетворчества и боль не так сильно будет ощущаться. Где наши кроссовки? Вот они, кроссовочки, новенькие, почти неношеные, Лешкин подарок. Где куртка? Так, правую руку суем в рукав, следим за центром тяжести, чтобы не навернуться, теперь левую руку, застегив-

ваем «молнию», кнопки. Капюшон поглубже натягиваем, сверху шарфом приматываем, чтобы ветром не сдувало с головы. Ну и погодка! В такую гулять и гулять, если жизнь не мила...

Ладно, хватит ныть. Где палка? Палка-копалка, палка-стрелялка, палка-селедка... Нет, это уже не в рифму, это из «Незнайки». Тьфу, да что за ерунда в голову лезет! Не обманывай себя, Каменская, ерунда сама не лезет в голову, это ты ее туда зовешь, чтобы не думать о том, что сказал тебе Паша Дюжин. Не хочешь думать – так и скажи: не хочу и не буду, только не строй из себя несчастную, которой посторонние мысли сосредоточиться не дают.

Давай двигай в сторону крыльца. А это что такое? Ах да, это же инвалидное кресло, которое тебе на всякий случай привезли. Интересно, какой может быть случай? Я снова упаду и еще раз сломаю ногу? Ту же самую или уже другую? А если я сломаю правую ногу, то Дюжин станет утверждать, что у меня проблемы в отношениях с какой-то женщиной? Бред натуральный!

Так, поползли по ступенькам вниз, хорошо, что их всего две. Ну и пошли потихонечку вон туда, в лес, там тропинка хорошая, мы с Чистяковым по ней ходили. Господи, нога, да что ж ты так болишь-то, никак не уймешься! Мне больничный положен еще на месяц. А если ты через месяц не перестанешь болеть, что тогда? Больничный продлят или на работу выгонят? А если я выкопаю из глубины своего сознания проблему с неизвестным мне пока мужчиной, то нога быстрее заживет, да? Нет, наверное, я должна буду с этой проблемой как-то разобраться, а не только выкопать ее. Знать бы только, с каким мужчиной у меня проблемы. Ладно, пойдем по порядку.

Юра Коротков...

Миша Доценко...

Игорь Лесников, хотя он на Петровке уже давно не работает, в министерство ушел, в главное управление...

Коля Селуянов, который тоже уже больше года как стал заместителем начальника окружного УВД по оперативной работе...

Сережка Зарубин...

Колобок-Гордеев, но он ушел на пенсию еще летом прошлого года...

С этими ребятами Настя работала много лет, и то, что между ними имело место, действительно можно было назвать «отношениями». Со всеми остальными она поддерживала не отношения, а служебные контакты, которые на роль провокатора болей в ноге ну никак не годились.

Настя добросовестно перебирала в уме всю историю знакомства с каждым из коллег, вспоминала, как выстраивались отношения с ними, копалась в памяти, но пока ничего подходящего не обнаруживала. И ранка в душе продолжала ныть.

А что это дергается у нее на боку? Ой, да это мобильник в кармане куртки надрывается.

– Аська, ты где? Спишь, что ли? – ворвался в ухо радостный голос Коли Селуянова.

– Я не сплю, я гуляю.

– Далеко?

– Далеко, за городом.

– Это я понял. Ты от дома далеко?

– Ну я же тебе говорю: за городом.

– Ася, я не тупой. Я возле твоего дома стою, мне Коротков адресок дал и, как проехать, объяснил. Стою вот на крылечке и за ручку дверь дергаю, а она не открывается.

– Ой, Коля, – радостно закричала она в трубку, – ты приехал?

– Дошло наконец, – проворчал Селуянов. – Так где тебя искать, хромоногая ты наша?

– Встань спиной к двери и посмотри налево. Тропинку видишь?

– Вижу.

– Вот по ней и иди. Не доходя упрешься.

– Понял. Сейчас упрусь.

Настя спрятала телефон в карман и посмотрела на часы. Пятнадцать минут как одна копейка. А ведь еще назад идти столько же. Дойдет ли? И словно в ответ на мысленный вопрос ногу как огнем обожгло, ее невозможно стало ставить на землю. Настя так и простояла на одной ноге, опираясь двумя руками на палку и кляня себя за задумчивость. Ведь говорила же себе: следи за временем, семь минут по тропинке в лес и разворачивайся к дому. Так нет же! Мыслитель, Спиноза недоученный.

Судя по тому, как быстро появился Коля, прошла она совсем немного, не больше двухсот метров.

– Ты чего стоишь, как аист-погорелец?

– Аист – это я понимаю, но почему погорелец? – удивилась Настя.

– А у тебя вид такой несчастный, как будто у тебя сгорело все имущество.

– Коля, я, кажется, погорячилась. Обратно не дойду. Если только на одной ноге доскакать.

– Ты, пожалуй, доскачешь, – он с сомнением покачал головой. – И на руках мне тебя не унести, ты для меня великовата будешь. И на машине сюда не проехать, тропинка больно узкая.

– В доме инвалидная коляска есть, – вспомнила она.

– О, можешь соображать, когда захочешь, – одобительно кивнул Николай. – Давай ключи, я сейчас ее приволоку. Где она стоит?

– Прямо возле двери.

Идея с коляской оказалась продуктивной, и Селуянов благополучно доставил Настю прямо к крыльцу, откуда ей до дивана в комнате все-таки пришлось скакать на одной ноге, потому что на левую ногу наступить было просто невозможно.

– Коля, я так понимаю, ты приехал среди рабочего дня с корыстной целью?

– Ну а то. Очень ты мне нужна за просто так тебя навещать, – отшутился он.

– Тогда будешь за мной ухаживать, – решительно объявила Настя. – Иди в кухню, сделай чай и бутерброды и принеси сюда пепельницу и сигареты. Да, и зажигалку не забудь.

– Ну ты нахалка, – протянул Селуянов. – Ты даже не знаешь, с чем я приехал, а уже раскомандовалась. Может, моя маленькая корысть не стоит таких гигантских ухаживаний.

– Ради маленькой корысти ты бы не потащился в такую даль. Что, не так?

– Так, – признался он. – Больно ты хитрая, Каменская.

Чай у Селуянова получился, на Настин вкус, слишком крепким и терпким, и ей пришлось доводить его до кондиции при помощи кипятка и лимона.

– Как ты можешь пить такую гадость? – удивлялся Коля. – Пить надо чифирь, а не такие вот помои, как у тебя.

– Знаешь, какая между нами разница? – парировала Настя. – Ты пьешь такой чай, чтобы быть в тонусе, а я пью такой, чтобы мне было вкусно. Рассказывай, с чем приехал, не томись.

Она внимательно слушала рассказ Селуянова о ежедневнике Галины Васильевны Аничковой и о вырванном из него листке. О том, что ежедневник следователь должен был отправить на экспертизу, но совершенно не факт, что он это сделал, а даже если и сделал, то неизвестно, когда будет готово заключение. О том, что Селуянов вдвоем с самым толковым своим опером подрабатывал версию о причастности племянника убитой к истории с листком. Для начала были получены сведения о том, что у племянничка за несколько дней до гибели Аничковой завелись денежки. Не бог весть какие, но все же. И на вопросы о происхождении этих денежек он кривил хитрую рожу и многозначительно подмигивал, но ничего внятного своим друзьям-собутыльникам так и не рассказал.

Получив такую информацию, сыщики взялись за племянника всерьез. Он, не будучи гигантом мысли, раскололся довольно быстро, всего-то часа через два, и поведал, что дней примерно за десять до убийства (более точно он не помнит, поскольку периодически бывает сильно пьян) ему позвонили и предложили заработать довольно привлекательную сумму, для чего нужно было всего-то навсего выдрать из теткинго ежедневника один листик. Листик сле-

довало отнести в дом на соседней улице, зайти во второй подъезд, подняться на третий этаж и засунуть за батарею. Если все будет выполнено как надо, на следующий день в этом же самом месте он найдет конверт с гонораром. Он особо долго не торговался, дело-то и впрямь ерундовое, никакого риска, даже если и обманут с гонораром, так не жалко. Но его не обманули. Вот такая история.

– Жильцов проверил? – спросила Настя.

– Я тоже об этом подумал, – вздохнул Селуянов. – Если ему велели идти в конкретный дом и в конкретный подъезд, то человек, который его туда посылает, знает код, стало быть, либо он там живет, либо бывает, в гости заходит или по службе. Вкусная версия, привлекательная. Но обломался я. На этом подъезде кодовый замок сломан уже полгода, и никто его чинить не собирается. Организация, которая его устанавливала и должна ремонтировать, уже несколько месяцев не получает от жильцов плату, потому и не чешется с починкой.

– А звонил племяннику кто, мужчина или женщина?

– Мужчина.

– И?..

– Ничего. То есть, может быть, что-то и было в его голосе или манере говорить, но этот идиот разве запомнит? Он только цены на спиртное помнит, все остальное мимо пролетает.

– Получается, что убийство было не спонтанным, к нему готовились и понимали, что во время следствия будут изучаться все бумаги убитой. Преступнику нужно было уничтожить сведения о своем знакомстве с Аничковой.

– Угу, – подхватил Коля. – И племянник к этому убийству никаким боком не причастен. Так я, собственно, чего хотел-то...

– И чего же? Давай выкладывай, я сегодня добрая.

«Я добрая, – повторила про себя Настя, – я готова помогать Коле и думать о его проблемах, чтобы занять голову и заглушить тоненький нудный голосок ноющей ранки. Я готова думать о чужих проблемах, чтобы не думать о своих. Ах, до чего ж ты лукава, Каменская!»

– Вот тут я тебе ксерокопию ежедневника привез. Посмотри, может, что увидишь.

– И что ты хочешь, чтобы я увидела?

– Ася, ну я не знаю! Ежедневник – отражение повседневной жизни человека, он может рассказать очень интересные вещи. Будто ты сама не понимаешь! Мы с утра до ночи опрашиваем друзей и знакомых Аничковой, но одно дело слова, а другое – документ, бумажка. Ты не думай, я не рассчитываю, что ты мне отсюда фамилию убийцы выудишь, этой фамилии здесь нет, то есть она была, но теперь нет. Но образ жизни, круг клиентов, периодичность посещения парикмахерской – да мало ли что! У меня времени нет, да и терпения не хватит, следователю вообще неохота лишние телодвижения производить, если ты не сделаешь, то этого не сделает больше никто. А сделать надо, если по уму.

– Ладно, уговорил, – Настя улыбнулась. – Люблю я это дело – в бумажках копать и информацию выуживать. Жить бы мне так вот, как сейчас, на работу не ходить, начальства не видеть, только чужие ежедневники анализировать, сведения какие-нибудь или статистику. Мечта, а не жизнь.

Сердце сжалось и на мгновение остановилось, потом снова забилося ровно и неторопливо. А ранка заныла с новой силой, да так, что даже Селуянов заметил.

– Ты чего помрачнела? – с тревогой спросил он. – Я тебя нагрузил работой, а тебе не хочется? Так ты скажи, я не в претензии, я ж понимаю, ты болееешь и вообще... Ты не обязана, это не твое преступление...

– Коля, перестань. Что ты выдумал? Я с удовольствием сделаю все, что могу. Не обещаю, что будет толк какой-нибудь, но обещаю, что буду работать честно, как для себя.

– Так я поеду? – неуверенно проговорил Селуянов. – Или в знак благодарности я должен еще за тобой поухаживать?

– Поезжай, – засмеялась она, – тоже еще ухажер нашелся. Только я тебя провожать не буду, сам оденешься, выйдешь на крылечко и дверь захлопнешь. Справишься?

Коля чмокнул ее в щеку, вышел в прихожую, оделся и снова заглянул в комнату:

– А ты когда сделаешь?

– Слушай, – возмутилась Настя, – ты наглеешь прямо на глазах. Когда сделаю, тогда позвоню.

– А позвонишь когда?

В глазах у Селуянова плясали чертики, но он хмурил брови и всем своим видом пытался изобразить неустанную заботу о благе человечества.

– Минут через пять. Позвоню тебе на мобильник и скажу все, что о тебе думаю. Устраивает?

– Вполне. Целую страстно, я поехал. Но не забудь, я жду твоего звонка.

Настя с улыбкой смотрела в сторону опустевшей прихожей. Ранка больше не болела. И Настя догадывалась, почему.

Глава 3

– Валерий Станиславович, – послышался из динамика голос секретарши, – звонит Анита Станиславовна. Соединить?

– Да, конечно.

Хорошо, что Анита позвонила, он все дни после возвращения из командировки собирался встретиться с ней, поговорить о Ларисе и задать несколько вопросов. Слова матери о том, что Анита, похоже, избегает его жену, не давали ему покоя, и Валерий хотел внести полную ясность, он вообще не терпел туманностей и недомолвок. Да, собирался, но так и не собрался договориться с сестрой о встрече, дела закрутили.

– Привет, сестрица, – с улыбкой проговорил он в трубку. – На ловца и зверь, как говорится. Только собрался тебе звонить, а ты тут как тут. У тебя все в порядке?

– Да. Но встретиться хотелось бы, давно не виделись.

– Так в чем проблема? Я сегодня планирую быть дома часов в девять, не позже. Мама будет рада.

– Как Лара? Работает?

– Да, сейчас у нее хороший период. Но к девяти она тоже придет, так что посидим все вместе. Договорились?

– Ты знаешь, у меня вечер занят, давай, может, днем пересечемся, а? Пообедаем вместе, поговорим.

Так и есть, узнав, что Ларка будет дома, она отказывается приходить в гости. Но, может быть, у нее действительно другие планы на вечер? Будь проклята эта неопределенность! Надо все прояснить как можно скорее, нечего тянуть.

– Идет, – решительно ответил Риттер. – Где?

– Давай в «Ностальжи», мне нужно по делам в район Чистых прудов, часа в два я как раз освобожусь. Годится?

– Годится, – подтвердил он, – в два в «Ностальжи».

До половины второго Валерий успел провести два совещания и переделал кучу мелких дел, запланированных еще накануне. Позвонил Ларисе в мастерскую, но никто не ответил. Мобильник тоже не отвечал. Так бывало, когда она работала в угаре, ничего не слыша и ни на что не отвлекаясь. Никакого беспокойства у Валерия молчащие телефоны не вызвали. Даже хорошо, что жена не подходит к телефону, значит, творческий процесс в разгаре.

Ровно в два он вошел в ресторан, где бывал часто, и занял свой любимый стол возле окна. Аниты еще не было, Валерий заказал свежавыжатый сок, для себя – апельсиновый, для Аниты – морковно-яблочный, он знал вкусы своей сестры.

Анита опоздала всего на десять минут, что, с учетом московских дорожных пробок, можно было считать королевской точностью. Глядя на нее, Валерий, как всегда, подумал об их поразительном несходстве. Ведь они – дети одного отца, только матери разные, но и Зоя Петровна, и Нина в молодости были писаными красавицами. Почему же Анита обладает такой потрясающей внешностью, над которой, кажется, время не властно, а он, Валерий, похож на орангутанга? По крайней мере, именно таким он видел себя в зеркале и полагал, что точно таким же должно быть и восприятие его со стороны. Он не комплексовал по поводу своей внешности, боже упаси, у него вообще не было комплексов. Он просто знал о себе, что коренаст, широкоплеч, нескладен, некрасив, и его звероподобность лишь чуть-чуть камуфлируют дорогие стильные костюмы, сшитые на заказ и подогнанные под особенности его фигуры. Ни малейшего неудобства в жизни от этого он не испытывал, принимал себя таким, каков есть, но не переставал удивляться причудам генетики. Анита, с ее тонкой талией, красивыми ногами, изящными плечами, длинной шеей и без единого седого волоса на голове, никак не могла быть

его единокровной старшей сестрой. Но тем не менее была. Она на двенадцать лет старше, а он рядом с ней чувствует себя стариком, особенно когда они вместе проходят мимо зеркала.

– Я заказал тебе сок, – сообщил Валерий, – морковно-яблочный. Правильно?

– Спасибо, – коротко ответила Анита.

Она выглядела озабоченной, даже встревоженной. Наверное, она предложила пообедать вместе не только потому, что давно не виделась с братом. Тут что-то еще. Возможно, то же, что и у него самого?

– Ты чем-то расстроена? – заботливо спросил Риттер. – У тебя проблемы?

Анита отвела взгляд в сторону, и у него в душе шевельнулось нехорошее предчувствие. Но Валерий не стал торопить сестру, терпеливо дожидаясь, пока она сама заговорит.

– Я в воскресенье виделась с Любашей, – наконец начала она. – Бабушке исполнилось девяносто, мы всей семьей собирались. Она сказала, что встречалась с тобой накануне и что ты показался ей...

Анита замялась, подыскивая слова.

– Каким? – спокойно спросил Риттер. – Что тебе сказала Люба?

– Ты показался ей неадекватным. Не слушал ее, отвечал невпопад. Валерий, я понимаю, у тебя тяжелая ситуация с женой, Лариса постоянно выбивает тебя из колеи, ты нервничаешь. Это уже заметила Любаша, а завтра это заметят твои сотрудники и партнеры, потом клиенты. С этим нужно что-то делать. У тебя бизнес, Валерий, ты не можешь не обращать внимания на то, какое впечатление ты производишь. Ты меня понимаешь?

– Нет, – холодно ответил он.

Да, он с теплотой относился к Аните, был благодарен ей за душевное мужество, с которым она подошла к нему на похоронах отца и сказала, что на свете остается все меньше и меньше родных людей и если отец когда-то сам, никого не спросив, решил, что у брата не должно быть сестры, а у сестры – брата, то ведь никто не обязан это решение исполнять. Спасибо Аните, он ценит ее мудрость и прочие человеческие достоинства, но Валерий Риттер никогда и никому не позволял вмешиваться в свои дела. Ни матери, ни жене, ни тем более сестре.

– Нет, – повторил он, – я не понимаю, что ты имеешь в виду и к чему завела этот разговор.

– К тому, что Ларису нужно лечить. Нужно признать, что она больна, показать ее врачам и лечить, а не скрывать свою беду ото всех, вплоть до домработницы. Если ты будешь скрывать от всех, что твоя жена – наркоманка, ты ничему не поможешь, тем более ей, ты только загонишь проблему в подполье. Сегодня эта проблема проявляется в том, что ты неадекватен с собеседниками, а что будет завтра? Наркомания имеет обыкновение усугубляться, скрывать ее станет с каждым месяцем все труднее и труднее, и что в этой ситуации будет с тобой и с твоим бизнесом?

– Это не должно тебя беспокоить, – ровным голосом ответил Валерий. – С этим я как-нибудь справлюсь. Если ты имеешь в виду мое плохое настроение во время встречи с Любой, то Ларкина наркомания не имеет к этому никакого отношения.

– А что имеет? – Голос Аниты из менторски-уверительного сразу стал мягким и заботливым. – У тебя что-то случилось? Ну не молчи же, скажи, в чем дело.

– Я хотел тебя спросить, – медленно начал Риттер, – мне показалось или ты действительно избегаешь встречаться с Ларисой?

– Я?

Глаза у нее забежали, потом нашли точку на хлебной тарелочке и остановились на ней.

– С чего ты взял?

– Повторяю вопрос: мне показалось или это действительно так? Я пока не спрашиваю, почему, я только хочу знать: да или нет. Да? Или нет?

– Ну... в целом...

Голос Аниты подрагивает, взгляд не отрывается от тарелки с сиротливым кусочком белого хлеба. Значит, да.

– Хорошо, – он удовлетворенно кивнул. – Теперь я спрошу: почему? Что между вами произошло? Она чем-то обидела тебя?

– Ну что ты, – Анита оторвала глаза от хлеба и перевела их на стакан с недопитым соком. – Чем она может меня обидеть?

– Она украла у тебя деньги?

– Деньги? – Удивление сестры показалось Риттеру совершенно искренним, и он на мгновение успокоился. Его жена не воровка, уже хорошо.

– Ну да. Знаешь, наркоманы часто этим балуются, воруют деньги у своих же близких, когда им на дозу не хватает.

– Нет, что ты, у меня Лариса ничего не украла. Может быть, у других, не знаю... Но не у меня. Во всяком случае, я ничего такого не замечала.

– Тогда почему ты избегаешь ее?

Анита вздохнула, подняла голову и посмотрела прямо на брата.

– Потому что мне неприятно. Потому что я не выношу наркоманов. Потому что это оскорбляет мое человеческое достоинство. Ты удивлен? Между нами всего двенадцать лет разницы, но эти двенадцать лет пришлось на такой период, что стали равны жизни двух поколений. Для тебя наркоман такой же человек, как и ты, только достойный жалости и сочувствия. Мы с тобой воспитывались на разных ценностях и впитали в себя разные представления. Для меня наркоман – это безвольное и бессмысленное животное, недостойное доброго слова. Для тебя наркомания – это болезнь, для меня – порок души. Я никоим образом не критикую твое мировоззрение и твое отношение к Ларисе, я его принимаю и уважаю, я только прошу тебя принять и уважать мою точку зрения. Мне неприятно ее видеть. Я готова любить ее заочно, потому что она твоя жена, но не заставляй меня общаться с ней.

– Понятно, – сухо ответил Риттер. – Я приму к сведению то, что ты сказала, и буду с уважением относиться к твоим чувствам. Я только не понимаю: эти чувства что, возникли совсем недавно? Раньше ты прекрасно общалась с Ларой.

– Я терпела, сколько могла, – призналась Анита печально. – Но любому терпению приходит конец. И я еще раз прошу тебя, Валерий, подумай о том, как лечить Ларису, а не о том, как бы половчее скрывать ее наркоманию от общественности.

– Прошу тебя не вмешиваться в это. Десерт закажем?

– Мне не нужно. Себе закажи, если хочешь.

Сладкого он не хотел, а Анита вообще никогда, сколько он помнил, десерт не заказывала, она питалась строго по науке, берегла здоровье и фигуру.

Он помог ей надеть пальто, придержал перед сестрой дверь, ведущую на улицу.

– Где твоя машина? – спросил он, оглядываясь в поисках знакомого темно-синего «Фольксвагена». Его собственный джип «Тойота» стоял прямо перед входом.

– На Мясницкой, возле метро. Там же нет левого поворота, я и подумала, что пешком дойду быстрее, чем в объезд доберусь. Ты сам знаешь, какие всюду пробки.

– Пойдем, я провожу тебя до машины, заодно и прогуляюсь.

Он лукавил. Здесь, неподалеку, в одном из переулков находилась мастерская Ларисы. Да, Аниту можно понять, в периоды «этого» Ларка совершенно невыносима, и только сильно любящий человек в состоянии не раздражаться и не приходить в бешенство от ее поведения. Но когда она в норме, когда вдохновенно и увлеченно работает, она становится просто замечательной. Нежной, доброй, веселой, остроумной, такой яркой и живой, что в нее невозможно не влюбиться. Наверное, Аните просто не повезло, она чаще видела его жену в измененном состоянии, чем в нормальном, и не может оценить ее истинное очарование и прелестную непосредственность, которые в свое время так подкупили его самого. Сейчас Ларка именно такая,

а увлеченность работой, он знал, придает ей еще больше привлекательности. Вот бы уговорить Аниту зайти в мастерскую! Он уверен, она сразу же изменила бы свое мнение о его жене.

Но как предложить ей зайти к Ларисе после такого разговора?

Они молча шли в сторону метро «Чистые пруды», водитель Риттера, он же охранник, оставил машину и двигался следом, держась в нескольких метрах позади. Риттер лихорадочно перебирал в уме всевозможные варианты, как затащить Аниту в мастерскую.

Внезапно он заметил, что сестра прихрамывает. Причем с каждым шагом все больше и больше.

– Что с тобой? Нога болит?

– Да нет, мозоли натерла, – с досадой скривилась Анита. – Надела сегодня новые ботинки. Черт, еле иду. Надо пластырь купить и заклеить ноги, только вопрос, где это сделать.

– Как – где? В аптеке. Ты что, не знаешь, где пластыри продают?

– Где продают пластыри, я знаю, – усмехнулась Анита, – я не знаю, где можно раздеться.

– Зачем тебе раздеваться?

– Валерий, знаешь, чем мальчики отличаются от девочек? – Теперь Анита шла совсем медленно, стараясь уменьшить боль. – Не тем, о чем ты подумал. Мальчикам, чтобы заклеить мозоль, достаточно снять ботинок и носок. А девочкам нужно снимать брюки и колготки. В условиях бульварной скамеечки это довольно проблематично.

– Так давай зайдем к Ларке в мастерскую, – обрадовался он неожиданной удаче, которая сама приплыла в руки. – Это здесь рядом, вон в том переулке. У нее и пластырь наверняка найдется, в аптеку идти не нужно. Заодно посмотришь, где она работает, ты же ни разу у нее не была.

Анита остановилась, в задумчивости глядя на блестящие узконосые ботинки, спрятавшие в своем кожаном нутре источник невыносимой боли. Потом нехотя кивнула:

– Ладно, давай зайдем. Выхода другого я не вижу. Только я прошу тебя, Валерий, мы заходим ровно на три минуты, я иду в ванную, или что там у нее есть, заклеиваю ноги, и мы сразу же уходим. Никаких чаепитий, никаких посиделок с разговорами. Не жди, что я буду любезничать с Ларисой. И не обижайся. Хорошо?

– Господи, да какие чаепития! – он широко улыбнулся. – Ты не представляешь себе, что такое Ларка, когда она работает как бешеная. Она даже не заметит, что мы с тобой пришли.

И снова он лукавил. Конечно же, Лариса заметит, что они пришли, не сможет не заметить, ведь ей придется открыть им дверь. Правда, у него есть ключи от мастерской; когда жена балуется наркотиками, надо иметь ключи от всех помещений, где она может находиться, а то мало ли что... Но сейчас Лара в полном порядке, она будет так искренне рада мужу и Аните, что сестра растает. Обязательно растает, не устоит.

На удачу, тут и аптека подвернулась. Надо же, прямо рядом с домом, где находится мастерская, а он и не замечал. Валерий, оставив сестру стоять на улице, заскочил внутрь, купил упаковку немецких пластырей разного размера. Ну вот, еще несколько шагов – и они в подъезде. Охранник успел обогнать их и проверить лестничный пролет между входом и лифтом. Лифт поднял их на самый верхний этаж, охранник остался внизу, так было заведено. Риттер энергично надавил на кнопку звонка.

Никто не открывал. Он позвонил еще раз.

– Ее нет, наверное, – неуверенно произнесла Анита. – Зря тащились.

– Должна быть здесь, – он не терял уверенности. – Хотя, может быть, выскочила куда-нибудь пообедать, она обычно бежит к метро, в «Макдоналдс». Если так, то минут через десять-пятнадцать вернется.

– Так что ж нам, на лестнице ждать? – сердито спросила сестра. – Пошли отсюда, Валерий. Проводи меня до машины, а там уж я как-нибудь доеду до дома. В крайнем случае сниму ботинки и буду босиком на педали жать.

– Не нужно безумных жертв, – он усмехнулся, – у меня есть ключи.

Он достал из портфеля дорогой кожаный футлярчик для ключей, открыл «молнию», вставил ключ в замок, повернул два раза. Дверь бесшумно открылась. Тишина. Первым, что бросилось ему в глаза, было пальто Ларисы, висящее на вешалке среди других вещей. Именно в этом пальто она уходила сегодня из дома. Здесь же на полу стояли ее сапожки. Она что, раздетая ушла обедать? Впрочем, с нее станется, когда она в творческой лихорадке, то может забыть и одеться, и запереть дверь, и выключить свет, и прийти домой ночевать.

– Лара! – громко крикнул Риттер. – Эй, откликнись, художница!

Никто не отозвался. Валерий быстро прошел вперед и замер. На широкой лежанке в дальнем углу просторного, залитого светом помещения лежали, очень недвусмысленно обнявшись, две женщины. Женщины были голыми и до пояса прикрыты одеялом. Они сладко спали.

Он словно прирос к месту. Потом с усилием оторвал ноги от пола и подошел поближе. Одна из спящих – Лариса, вторую он никогда прежде не видел. В памяти сразу, накладываясь друг на друга, всплыли и завертелись в круговороте слова матери и собственные ощущения.

Ларисе звонят какие-то женщины и не называют своего имени...

У нее появились новые подружки, кажется, довольно вульгарные...

Анита стала избегать встречаться с Ларисой...

Анита, такая красивая и молодая...

Он обернулся и увидел сестру, бледную и напряженную. Она стояла почти рядом с ним, а он и не услышал, как она подошла. Анита стояла босиком. Валерий молча крепко схватил ее за руку и потащил к входной двери. Так же молча показал ей дверь, ведущую в совмещенный санузел, и протянул упаковку с пластырем. Те несколько минут, которые понадобились Аните, чтобы раздеться, заклеить мозоли и снова одеться, показались ему несколькими часами. Он не мог больше находиться здесь.

Валерий Риттер не мог бы точно сказать, что он в этот момент чувствовал, обиду ли, злость, ненависть, жалость к жене-наркоманке, ревность, отчаяние или что-то другое. Он разберется в этом потом. Сейчас же главное – не сорваться, не потерять самообладания, не начать кричать и крушить все вокруг. Нужно дождаться Аниту и тихонько уйти. Вернуться на работу, запереться в своем кабинете и подумать. Только бы не сорваться, только бы удержать себя...

Наконец дверь ванной открылась. Анита, словно понимая, что творится с ее братом, прошла осторожненько, на цыпочках, быстро надела ботинки и шагнула к выходу. Ну вот, еще чуть-чуть, аккуратно притворить дверь, запереть замок, вызвать лифт. Снова дверь, кнопка, движение вниз. Дверь. Лестница. Еще одна дверь – на улицу.

Все. Можно вобрать в себя побольше воздуха и расслабиться. Здесь он уже ничего крушить не сможет, даже если и захочет.

Анита молча шла рядом, она так и не произнесла ни слова, пока они не дошли до метро, где стояла ее машина. И только тут Валерий нашел в себе силы заговорить.

– Ты не удивлена, – горько констатировал он.

– Нет, – тихо ответила сестра.

– Ты знала, – он снова утверждал, а не спрашивал.

Анита кивнула.

– И поэтому ты перестала бывать у нас, когда Ларка дома.

– Да, поэтому.

– Она приставала к тебе?

На этот раз в его интонации прозвучал некий намек на вопрос.

– Валерий... Скажем так, она делала мне предложения, от которых я смогла отказаться, но после которых не могу смотреть на нее и разговаривать с ней.

– Предложения? Их было несколько? – уточнил Риттер, который во всем добивался полной определенности и ясности.

– Да. Это случалось три или четыре раза, после чего я решила, что с меня довольно. Прости меня. Я не хотела, чтобы ты узнал, поэтому не говорила тебе. С тебя и без этого достаточно.

Анита уехала, а Риттер быстрым шагом вернулся к ресторану, где оставил машину, спиной ощущая маячащего сзади охранника. Парень вышколенный, слова лишнего не скажет, а о том, чтобы вопросы задавать, и речи быть не может.

То, что Ларка наркоманка, еще можно было скрывать, во всяком случае, ему это пока удавалось. Он не обращался к врачам, потому что не хотел огласки, это могло бы сильно повредить делу раскрутки жены, тем более в Европе, где на наркоманию больше не смотрели как на милую шалость представителей богемы. Да и что толку в лечении, если человек сам не стремится избавиться от зависимости.

Но теперь выяснилось, что Лариса еще и лесбиянка. В сочетании с наркоманией это может дать убойный эффект, и огласка практически неминуема, ведь наркоман не может быть осторожен и осмотрителен в выборе партнеров для секса. Тогда больше не будет никакого смысла вкладывать силы и деньги в то, чтобы привлечь внимание к Ларкиному творчеству, ее имидж будет бесповоротно разрушен и искалечен. Художников-наркоманов пруд пруди, и никого уже давно не удивишь воплощенными на холсте глюками. Ларкино художественное своеобразие, которое сегодня усилиями Риттера подается как свежесть юности и неординарность взгляда на окружающий мир, завтра станет выглядеть как рядовое «глючество», которого на любой выставке и в любом салоне более чем достаточно. А ведь сколько сил и денег потрачено! И получается, что все впустую...

Нужно все обдумать и принять какое-то решение. Либо плюнуть на Ларкину славу и попробовать ее вылечить, либо... Ладно, не нужно спешить, нужно как следует подумать и все просчитать.

* * *

Заместитель начальника отдела МУРа по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями Юрий Викторович Коротков был наполовину холост и наполовину бездомен. Уйдя от жены, он так и не оформил развод, а так как собственного жилья у него не было и снять, а тем более купить, его было не на что, кочевал по временно свободным квартирам друзей и знакомых. Одно время он даже жил у Насти Каменской, пока Чистяков был в длительной командировке, потом осел на служебной квартире приятеля, который проживал у жены, потом, когда приятель сменил место работы и квартиру у него отобрали, перебрался в другое место, снимал у каких-то родственников каких-то знакомых комнату в коммуналке за чисто символическую плату, но и это пристанище вот-вот должно было уплыть из рук: коммуналку собрались расселять и делать из нее современную трехкомнатную квартиру.

Он мог бы развестись наконец и жениться на Ирке, Ирине Савенич, в которую влюбился еще прошлым летом и так и не вышел до сих пор из состояния нежного восторга. Жениться и жить с ней в ее квартире, покончив со скитаниями по чужим углам. Да, развестись он, конечно, мог, но вот жениться... Юре казалось, что в его нынешнем положении любая женитьба будет непременно рассматриваться как корыстный шаг с целью приобретения жилплощади. Ни за что на свете не хотел бы он, чтобы кто-нибудь, а тем более Ира, мог подумать, что он женится не на женщине, а на квартире. А поскольку собственное жилье у него не появится никогда, то и брачных перспектив их отношения не имели.

Каменская регулярно вела с ним долгие беседы с целью прочистки мозгов, втолковывала, что нельзя ставить свои чувства в зависимость от общественного мнения, которое далеко не всегда бывает справедливым, что никто ничего плохого о Юре не подумает, и вообще, если ты любишь женщину и имеешь возможность на ней жениться, то нужно это сделать и не обращать внимания на то, кто и что будет по данному поводу говорить. Настя придумывала разные

аргументы, пыталась выстроить в своих рассуждениях доступную Юриному характеру логику, но все было пока без толку.

– Я женюсь на ней, только если она сама будет об этом просить, – упрямо твердил он.

– А она не попросит, я ее знаю, – возражала Настя. – Она будет ждать, пока ты предложишь ей выйти за тебя замуж.

– А я буду ждать, пока она сама попросит. Иначе я буду выглядеть как альфонс: бесперспективный и бездомный нищий мент позарился на красивую актрису с квартирой, машиной и гонорами.

Сдвинуть его с этих позиций Насте оказалось не под силу. Она даже подумывала о том, чтобы поговорить с Ириной, но что-то ее удерживало. Что-то в этом решении казалось ей неправильным, и она его так и не осуществила.

В это утро он проснулся не от треска будильника, а от прикосновения Ириной руки, ласково дергающей его за волосы.

– Юра, Юр, у тебя мобильник надывается. Ну Юра же!

Не открывая глаз, он выпростал из-под одеяла руку, в которую Ира тут же вложила надсадно звенящий аппарат.

– Слушаю, Коротков. – Он постарался, чтобы голос звучал не совсем уж сонно.

– Да не слушаешь ты ни хрена, а дрыхнешь.

Сергея Зарубин, он сегодня в составе группы, дежурящей по городу. И чего звонит с утра пораньше? Наверняка ничего хорошего. Юра приоткрыл один глаз и покосился на часы: половина седьмого. Уроды. Садисты.

– Не завидуй начальнику, – проворчал он, – через три часа сдашь дежурство и тоже будешь дрыхнуть.

– Это вряд ли. Мы тут место происхождения осматриваем.

– Ну и?

– Да все бы ничего, но убитая дамочка имеет фамилию Халипова. Юлия Халипова. Сечешь фишку?

– Это которая «Уйти и не вернуться»?

– Она самая, – подтвердил Зарубин.

– А это точно она? Может, однофамилица?

– Слушай, начальник, у нее, кроме документов, еще и лицо есть.

– Тьфу ты господи! Теперь точно на нас повесят.

– Вот и я о том же. Так что, может, тебе имеет смысл самому сразу подключиться, пока мы тут топчемся? Время хорошее, начальства никакого нет, все спят, так что все, что они могут испортить, пока еще можно спасти.

– Говори адрес.

Юра спустил ноги с дивана и потянулся за ручкой и бумагой. Под рукой не оказалось ничего, кроме инструкции по применению каких-то таблеток для похудения, которые постоянно принимала Ирина, иступленно пытаясь бороться с лишним весом. Коротков жалобно вздохнул и стал записывать на свободном поле то, что диктовал ему Зарубин.

Инструкцию он сунул в карман джинсов, закутался в короткий махровый халат с капюшоном – подарок Иры на день рождения – и побрел в ванную. Из кухни тянуло головокружительными запахами яичницы с ветчиной и помидорами и свежесваренного кофе. И чего Ирка в такую рань поднялась? Уже и завтрак приготовить успела. И съела его, наверное. Ах да, она вчера говорила, что у нее с утра съемка на натуре, в восемь утра, и не позже половины восьмого она должна быть на гриме.

На гриме, на гриме... Съемка, говорите? В кино, говорите, снимаетесь? Это кстати.

– Ириша! – заголосил он из ванной, выдавливая зубную пасту из тюбика. – Можно тебя на минутку?

И как это некоторые женщины ухитряются быть с самого утра такими красивыми? Уму непостижимо! В первые десять минут после пробуждения Коротков не мог без отвращения смотреть на себя в зеркало. Старый, помятый, слипшиеся волосы торчат во все стороны и выглядят так, словно их месяц не мыли, хотя мыли только вчера, он вообще моет голову каждое утро, когда душ принимает. А Ирка – как цветочек, щеки гладкие, розовые, глаза сверкают, кудри вьются, полные губы улыбаются, и вся она такая... такая... ну просто слов нет выразить, какая она.

– Ириша, ты знаешь Юлию Халипову?

– Юлю? Конечно. А что? Что-то случилось? – встревоженно заговорила она. – Тебе насчет нее только что звонили, да? Ее обокрали? Ограбили?

– Ты только не волнуйся. – Коротков уже пожалел, что начал разговор так неловко, с места в карьер. Сейчас дорога каждая минута, нужно как можно больше узнать о потерпевшей, а Ирка разволнуется, расплачется. Ну да что ж теперь делать, слово не воробей, вылетело – и пусть себе летит. Может, долетит в конце концов. – Иришенька, у меня плохие новости. Похоже, с Халиповой случилась беда. Я сейчас поеду разбираться, а ты, пока я умываюсь и завтракаю, расскажи все, что знаешь о ней, ладненько?

– К-какая б-беда? – запинаясь от ужасного предчувствия, спросила Ирина.

– Ну... беда... – неопределенно ответил он, засовывая зубную щетку в рот.

– Самая плохая? – Ирина говорила осторожно, будто пробуя каждое слово на ощупь.

Он молча кивнул, потому что членораздельно говорить все равно не мог, мешала щетка.

– Самая-самая? – зачем-то уточнила она.

Снова утвердительный кивок.

– О господи! Юлька... За что же? Она, конечно, дурная, шальная, но все-таки... А это точно? Не ошибка?

Мотание головой должно было выразить отрицание. Серега Зарубин в таких вещах не ошибается, у него зрительная память – будьте-нате!

– Какой ужас!

Коротков прополоскал рот и принялся за бритье.

– Ириша, я все понимаю, ты в шоке, но ты и меня пойми.

– Да-да, конечно, – торопливо откликнулась она. – Ты спрашивай, я все расскажу, что знаю. Правда, я знаю совсем немного, мы с ней не подруги и даже вместе никогда не снимались. Я могу поделиться с тобой только личными впечатлениями и сплетнями.

– Годится. Начинай, – подбодрил Коротков, размазывая по щекам и подбородку пену для бритья.

– Ну что... Юльку отчислили с третьего курса ВГИКа за прогулы и нарушение дисциплины. И как раз в этот момент она попала на глаза самому Островскому, который тогда мучился с подбором актрисы для фильма «Смертельные гастроли». Помнишь?

– Фильм помню. А Халипову в нем не помню.

– Ну Катя же, молодая циркачка, ее там еще любовник бросил.

– А-а, тогда помню. Что-то она там на себя не похожа. Я бы и не догадался, что это она.

– Так грим же, Юра, и парик. Короче, на съемках все сразу поняли, почему ее из института выгнали. Истерики бесконечные, какие-то выходки, требования невыносимые. Но Островский на нее запал со страшной силой. Знаешь, седина в бороду и так далее. И после «Гастролей» взял ее на главную роль в «Уйти и не вернуться». А сериал, сам знаешь, страшная сила. Когда двадцать вечеров подряд на экране одно и то же лицо, его поневоле запомнят, даже если актер совсем бездарный. А Юлька все-таки если и не талантливая, то очень способная. Она действительно хорошая актриса, только характер отвратный. Ну а тем более в руках Островского... Он же гений, он из выключенного компьютера может роль создать, не то что из человека, тем более профессионально подготовленного. Ну пусть не в полной мере, но азы-то у нее

есть. Про внешность я уже не говорю, Юлька необыкновенно хороша. Короче, после сериала она стала знаменитой. Во всяком случае, узнаваемой.

– Понял.

Коротков покончил с бритьем, залез в ванну, задернул занавеску, включил душ.

– Это все факты. Теперь давай сплетни и личные ощущения. Только погромче, а то у меня вода шумит.

Сплетен и личных ощущений оказалось еще меньше, чем фактов. Юлия Халипова прожила на свете всего двадцать три года и не успела как следует обрасти скандалами. Основной сплетней, которая даже и не могла рассматриваться в качестве таковой, поскольку все совершенно точно знали, что это правда, была ее любовная связь с кинорежиссером Островским, немолодым, очень известным и очень любимым публикой. Другая сплетня, никакими увесистыми фактами не подтвержденная, гласила, что Юлия Халипова является любовницей не только Островского, но и какого-то криминального авторитета, который якобы заявил ей: дескать, с режиссером можешь крутить, поскольку он дает тебе работу и делает знаменитой, а незнаменитая актриса мне не нужна, но если появится кто-то еще, ноги у Юленьки будут оторваны, руки отрезаны, а от головы останутся только уши, и то в разрозненном виде. Откуда взялась такая сплетня, было совершенно непонятно, никто ничего точно сказать не мог, но все были уверены, что это именно так. Третья сплетня, являя собой разновидность предыдущей, гласила, что Юле покровительствует кто-то из высших государственных сфер в ранге министра или руководителя одного из думских комитетов, причем этот покровитель тесно связан с криминалом и имеет в своем распоряжении боевиков... далее по тексту, смотри сплетню номер два.

Из личных же ощущений Ирины Савенич следовало, что Юля Халипова была девушкой неуправляемой и непредсказуемой, могла в любой момент выкинуть любой фортель и позволить себе любую выходку. С детства привыкшая к поклонению собственной красоте, она искренне считала, что ей все дозволено и что правила, существующие для всех остальных, на нее не распространяются. Ей были неведомы такие понятия, как дисциплина, ответственность, обязанности, выполнение обещаний. Ей были безразличны чувства других людей, их желания и планы. Она делала только то, что хотела. И ни один режиссер, кроме самого Островского, не берет на себя риск ее снимать, понимая, что ее характер может поставить съемку под угрозу срыва. Собственно, этим и пользуется Островский, постоянно давая ей понять, что если она уйдет от него, то кончится как актриса, ибо никто другой ни на одну картину ее не возьмет. А уж если она от него уйдет, то он, само собой, снимать ее тоже не будет. Очень надо. До тех же пор, пока она с ним, ей гарантированы роли, пусть не всегда главные, но всегда достойные как по содержанию, так и по объему экранного времени.

Последние слова Ирина договаривала, одеваясь, а Коротков слушал, быстро доедая яичницу и запивая ее кофе.

Ровно в семь утра они вышли из дома, поцеловались на прощание, договорились увидеться вечером, сели каждый в свою машину, Коротков – в доисторические «Жигули», Ирина – в «Форд Эскорт», и разъехались по местам работы.

* * *

Едва войдя в приемную, Чуйков окунулся в плотный запах сердечных капель, не то корвалола, не то валокардина, он плохо разбирался, потому как сердечными недугами не страдал и лекарств не принимал. Секретарша Вера Филипповна, пятидесятилетняя энергичная дама, всегда собранная и деловитая, сидела, против обыкновения, не за рабочим столом, а в кресле для посетителей и дрожащими руками пыталась привести в порядок покрытое красными пятнами лицо и подозрительно припухшие глаза.

– Доброе утро, Вера Филипповна, – весело поздоровался Чуйков. – По какому поводу страдаете?

Он догадывался, из-за чего его преданная помощница впала в такое горе. Так и оказалось.

– Да что же это такое, Игорь Васильевич, – запричитала она, – как же им не стыдно? Так нас оболгать, так оболгать! Ведь уму непостижимо!

– Вы о статье? – небрежно спросил Чуйков, снимая плащ и вешая его в шкаф. – Не обращайтесь внимания, дорогая Вера Филипповна, собака лает – караван идет. Пусть пишут что хотят.

– Но как же так? – не унималась она. – Ведь там же все неправда! Все от первого до последнего слова.

– Ну, не надо передергивать, – Чуйков постарался добавить в голос нечто похожее на отеческое увещевание, хотя Вера Филипповна была по меньшей мере лет на десять старше его. – Название нашей фирмы указано правильно, и имя генерального директора и его заместителей тоже. Так что кое-какая правда в публикации имеется. Давайте-ка лучше чайку выпьем, с утра так промозгло на улице, что я даже в машине не согрелся. И не смейте расстраиваться из-за этой ерунды.

Вера Филипповна, всхлипывая, принялась хлопотать над чайником, Чуйков же прошел в свой кабинет, оставив дверь открытой, чтобы слышать все, что будет происходить в приемной, и начал бессмысленно и нервно перекидывать бумаги на столе. Ну вот, полдела сделано, статья все-таки появилась, как и обещала красавица Ксения. И как быстро! Всего неделя прошла.

Статью Чуйков прочитал с самого утра, жена всегда покупала газеты рано утром, когда выходила гулять с собакой, и он, как и положено деловому человеку, изучал прессу за завтраком. Правда, он не был уверен, что так поступают все деловые люди и что это действительно «положено», просто с детства из западных кинофильмов он вынес именно такой образ бизнесмена.

Теперь нужно ждать, какая будет реакция. Интересно, уже началось или волна еще не докатилась? Сейчас половина одиннадцатого, по идее, многие должны были бы уже ознакомиться с мерзким пасквилем.

– Кто нам звонил с утра? – дружелюбно поинтересовался Игорь Васильевич, когда секретарша внесла в кабинет поднос с чаем, сахаром и лимоном. Она, кажется, сумела взять себя в руки, по крайней мере, больше не всхлипывала.

– Сейчас доложу.

Вера Филипповна, поставив перед директором чай, вышла в приемную за блокнотом. Перечисление утренних звонков заняло немало времени, слушая помощницу, Чуйков попутно делал пометки в настольном органайзере, с удовлетворением отмечая, что ожидаемая им волна оказалась достаточной высоты и мощности. Скорость у нее была поистине крейсерская. Ежу понятно, что звонили все эти люди из-за статьи. Малая часть из них – с целью поддержать и ободрить: мол, мы ничему не верим и все равно будем иметь с тобой дело, основная масса – с вопросами о том, насколько правдива опубликованная информация. И еще одна часть, совсем небольшая, хотела изобразить по телефону гордый разворот на сто восемьдесят градусов, дескать, раз вы такие, то мы в вашей добропорядочности теперь сомневаемся и контракт с вами заключать не станем. Вот эта-то последняя часть звонков интересовала Чуйкова больше всего. На этих людей и была сделана ставка. От них с сегодняшнего дня зависит судьба фирмы «Практис-Плюс».

Теперь следует сделать ответные звонки деловым партнерам. В первую очередь – тем, которые хотят «развернуться». Нет, сам он звонить не станет, не мастер он переговоры вести. Тут нужна тонкость, умение маневрировать, владение голосом. Чуйков может все испортить, он неплохой бизнесмен, но переговорщик никудышный, знал Игорь Васильевич за собой такой дефект. Зато его заместитель Олег Ахалая в этом деле настоящий мастер. Вот Олег и займется.

Он снял трубку и нажал на аппарате кнопку вызова секретаря. Дверь в приемную по-прежнему оставалась открытой, но Чуйков этого якобы не замечал.

– Слушаю, Игорь Васильевич, – голос Веры Филипповны звучал одновременно из двух мест: из трубки и из приемной.

Это почему-то показалось Чуйкову забавным, и он непроизвольно хмыкнул. Настроение у него превосходное. А зря, между прочим, он хмыкает и демонстрирует свою беззаботность. По идее, расстраиваться бы надо. Олег, разумеется, в курсе, и другой заместитель тоже, но Вере-то совсем не обязательно догадываться об истинном положении дел.

– Олег Ревазович на месте? – сурово спросил он, пытаясь нахмурить брови и тем самым вогнать себя в нужный настрой.

– У себя.

– Попросите его зайти ко мне.

Вот так, официально. Вместо того чтобы позвонить Олегу прямо в кабинет или на мобильник, вызываем через секретаря. Вера знает, что это признак недовольствия: если директор вызывает заместителя через секретаря, то он сердится. А директор после такой публикации и должен сердиться, а как же иначе? Это он перед Верой Филипповной строит из себя стойкого и неунывающего, а на самом деле он в гневе. Вот так будет правильно.

Ахалая появился в кабинете Чуйкова буквально через минуту, у них общая приемная, от двери до двери – десять шагов. Прикрыл за собой дверь и одним гибким движением устроил себя в кресло по другую сторону стола.

– Ну что? Я так понимаю, что все сработало? – негромко спросил он, доставая сигареты. – Я с девяти утра на месте, телефон у Веры надрывался все утро. Меня тоже любопытствующие одолевают. Слушай, мне даже в день рождения столько людей не звонит! Вот воронье! Чуют, где падалью пахнет.

– Похоже, сработало, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, – Чуйков постучал по деревянной столешнице. – Олег, я хочу, чтобы все ответственные звонки ты сделал сам. Боюсь запороть. Ты же знаешь мои способности.

Ахалая кивнул, выпустил сигаретный дым в потолок и понимающе улыбнулся.

– И кто нам уже позвонил по интересующему нас вопросу?

– Вот эти деятели, – Игорь Васильевич протянул заместителю листок. – Может, не все они собираются отказываться от нас, но если кто-то собирается, то нужно сделать так, чтобы не сорвалось. Ну что я тебе объясняю, ты сам все понимаешь, мы десять раз это обсуждали.

– Хорошо, я всем позвоню. А адвокат? Ты с ним уже связался?

– Пока нет. Не хочу, чтобы он что-нибудь заподозрил, чем меньше людей будет в курсе, тем лучше. Как только ты мне назовешь хотя бы один сорванный контракт, я тут же с ним свяжусь, начну рвать на себе волосы, возмущаться и требовать восстановления моего доброго имени и возмещения упущенной выгоды. А пока я буду тихо переживать из-за того, что нашу фирму злобно оклеветали.

– Тебе виднее, – Ахалая погасил сигарету в пепельнице, сунул в карман зажигалку и полученный от Чуйкова листок. – Пошел отзваниваться. А ты давай переживай, только не тихо, а громко, чтобы все знали.

Глава 4

Дождь моросил не переставая, он начался еще ночью, и сейчас, в три часа дня, Настя все еще слышала сухое потрескивание мелких водяных капель о стекла и жесть. Откладывать прогулку больше нет смысла, через час придет медсестра делать массаж, а потом начнет смеркаться. Не такая уж Настя Каменская бесстрашная, чтобы гулять в сумерках по лесу. Можно, конечно, идти не влево от дома, в лес, а вправо, в сторону других домов, но ей отчего-то не хотелось. Ее могут заметить, увидят новое лицо, начнут приставать с расспросами, кто такая, почему живет у Дюжина. Вступать в разговоры и заводить знакомства в ее планы не входит. Не то чтобы она скрывалась или пыталась сделать секрет из своего пребывания в Болотниках, вовсе нет, ведь весь медпункт и так знает о ней, и в магазине знают, сегодня уже по ее заказу привозили хлеб, джем и масло. Просто нет у нее настроения общаться с посторонними.

Решено, надо собирать ноги, палку и одежду в единое целое и нести это целое, вернее – тащить, на променад. Сегодня уже среда, пора прибавлять минуты и довести их количество до двадцати. Нога не сказать чтобы так уж быстро восстанавливалась, ей и пятнадцати минут хватало выше крыши, чтобы выжать из Настиных глаз слезы и заставить ее обливаться потом, но все-таки... Все-таки после того, как позавчера она вдруг поняла, в чем дело, ей показалось, что стало чуть полегче. Совсем чуть-чуть. Но ведь стало же. Или ей только показалось?

Капюшон, конечно, голову закрывал, но лицо от дождя все равно не спасал, порывы ветра размазывали влагу по щекам и губам, вода по подбородку и шее затекала под шарф, и в целом все было достаточно противно. Однако Настя терпеливо двигалась по тропинке в глубь леса, десять минут туда, десять – обратно, и думала о том, как справиться с проблемой. Да-да, с той самой.

Был в ее жизни еще один мужчина, о котором она не подумала, когда перебирала все возможные варианты. И как только она о нем вспомнила, то сперва ужасно удивилась, как же это она о нем забыла, ведь должна была подумать в первую очередь именно о нем, а потом сообразила, что в этом-то и есть суть головоломки. Потому и не вспомнила, что не хотела вспоминать. Потому и не вспомнила, что именно в нем, вернее, в отношениях с ним, состоит проблема, которую она тщательно задвинула в дальний уголок и теперь перед самой собой делает вид, что у нее все отлично, просто лучше не бывает.

Ее новый начальник Вячеслав Михайлович Афанасьев. Ее бывший сокурсник, троечник и прогульщик, мелкий спекулянт, любитель пива и футбола. Когда он сменил вышедшего на пенсию полковника Гордеева, Настя пришла в ужас: после мудрого и опытного Колобка попасть в подчинение к Афоне, которого она презирала и недолюбливала еще в студенческие времена и с которым после выпуска ни разу не встречалась.

И с первого же дня их совместной работы на Петровке она нового начальника невзлюбила. Более того, она не сочла нужным эту свою нелюбовь скрывать. И даже более того, она открыто сказала Афанасьеву, что хоть и будет работать под его руководством, но уважать его не будет никогда. И вот спрашивается теперь, зачем она это сделала? Чтобы потешить свое самолюбие, выплеснуть то, что думает, а потом гордиться собой: вот, мол, какая я крутая и смелая, не побоялась сказать правду начальнику? Господи, глупость какая! Никогда подобные мотивы ее действиями не руководили. Тогда зачем? Ведь понимала же, не могла не понимать, что с того момента ее работа в отделе, которым руководит Афоня, превратится в медленный, непрекращающийся ад. Что он будет ее ненавидеть и не будет знать, что с этим делать, потому что у него хватит ума не мстить ей за оскорбление. Но и простить ее он не сможет. А кто простил бы? С того дня подполковник Каменская вызывает у него только раздражение, является источником негативных эмоций, и из-за этого они не могут нормально общаться и обсуждать служебные вопросы. Афоня пытается, поелику возможно, игнорировать ее, а уж когда не удастся,

то между ними возникает такое напряжение, что можно снабжать электричеством весь Красноярский край. Или Хабаровский. В результате ровно половину служебного времени Настя думает о преступлениях, которые надо раскрывать, а вторую половину тратит на то, чтобы как-то исхитриться, извернуться и избежать прямого общения с начальником. Она перестала с радостью думать о работе и с удовольствием на нее приходиться, как это было при Гордееве на протяжении полутора десятков лет их совместной службы. Минувшей весной она – неслыханное дело! – взяла больничный при первых же признаках простуды и честно отбыла дома все десять дней, в течение которых чуть покашливала да слегка сопливилась. Такое она позволила себе впервые в жизни, вот до чего на работу идти не хотелось. И нога болит, наверное, как раз потому, что ей смертельно не хочется возвращаться в свой кабинет и контактировать с Афоней. Не зря, ох, не зря сказала она Коле Селуянову, что работала бы, сидя дома и не встречаясь с начальством. Слова будто из подсознания вырвались, она проговорила их и поняла, что в этом и есть ее проблема. Она испортила отношения с Афанасьевым и теперь пытается, как страус, спрятать голову в песок, уклониться от общения с ним и придумать, как бы так устроиться, чтобы и работать продолжать, и на работу не ходить. А это не решение проблемы. Если отношения испорчены, нельзя делать вид, что их нет совсем. Надо признаться себе, что они плохие, и постараться понять, чего ты хочешь: чтобы они стали нормальными, чтобы так и оставались плохими или чтобы их не было вовсе. Хочешь, чтобы их не было, – напиши рапорт и уходи, никогда больше с этим человеком не встречайся и не общайся. Не уходишь? Тебя устраивают такие отношения? Да нет же, совершенно очевидно, что не устраивают, вон даже на такую любимую работу ходить не хочется. Стало быть, ты не хочешь, чтобы отношения оставались плохими. Тогда остается одно: ты хочешь, чтобы они стали нормальными. Может быть, ты сама себе не признаешься в том, что хочешь этого, но ведь другого-то пути нет, ты же только что сама эту формулу вывела: или нормально, или плохо, или никак. Получается, что путь у тебя, Каменская, только один. Ты отношения испортила, тебе и нужно их исправить. Но как? Как это сделать? Пойти повиниться, попросить прощения? Или ничего не говорить, а молча войти в кабинет с бутылкой и предложить выпить? Брр!

Настю даже передернуло от такой перспективы. Она вообще спиртное не любила и могла выпить только мартини, да и то крайне редко. С начальником же в виде жеста примирения пить придется водку или коньяк, сладкий легкий напиток здесь, как говорится, не проканает.

Ну зачем, зачем она была такой дурой? Зачем она сказала Афанасьеву, что он плохой человек и она его не уважает? Он что, спрашивал ее мнение? Спрашивал, что она думает о нем как о человеке и профессионале, уважает ли его? Нет, не спрашивал. Ее мнение его в тот момент совершенно не интересовало. Так зачем она полезла со своими высказываниями и оценками?

А кстати, интересно получается... Как там Дюжин говорил? Не делай, не говори и не думай ничего, если тебя об этом не просят... Ну точно, все так и получилось! Не спрашивают – не отвечай. Не просят высказать свое мнение – сиди и молчи в тряпочку. Станный, вообще-то, закон, но выходит, что правильный. Ладно, над законом она еще подумает потом, а сейчас ей важнее понять, что же двигало ею в тот роковой момент в кабинете начальника, если не стремление погордиться собственным бесстрашием.

Так, десять минут прошли, пора разворачиваться. «Разворачивайтесь в марше, словесной не место кляузе...» Да нет, насчет марша это она, пожалуй,хватила, до марша ее черепашие ползание пока не дотягивает. И насчет словесной кляузы тоже не впопад оказалось, сейчас ей нужно думать и мысленно проговаривать каждое пришедшее в голову соображение, чтобы не упустить чего-то важного.

Тогда, летом прошлого года, когда на место Гордеева пришел Афоня, Настя впервые всерьез задумалась о том, где ей работать: оставаться на Петровке в подчинении начальника, который ей глубоко неприятен, или уходить. Перспектива ухода казалась ей устрашающей, неверо-

ятной, невозможной, она видела себя только здесь, на этом месте, и была уверена, что ни на какой другой должности не приживется. Просто не выживет. На этой привычной и любимой работе есть привычные и любимые коллеги и привычная, давно сложившаяся Настя Каменская, при этом Настя, ее коллеги и работа друг другу соответствуют и сосуществуют в полной гармонии. Другая же работа, другая служебная и профессиональная ситуация будет требовать совсем другой Насти. Иными словами, ей, Каменской, придется в чем-то измениться, чем-то пожертвовать, что-то приобретать. Перемены ее пугали, она была уверена, что либо не сможет изменить себя и, соответственно, не сможет работать на другом месте, либо изменится и перестанет быть самой собой.

И вот в кабинете начальника Вячеслава Михайловича Афанасьева она дважды совершила поступок, совершенно ей несвойственный. Вышла за рамки служебных отношений и заявила Афоне, что в грош его не ставит, потому что он, во-первых, когда-то давно занимался спекуляцией и наживался на нищих студентах, в том числе и на ней, Каменской, при этом пользуясь на экзаменах составленными ею шпаргалками, а во-вторых, гоняется за громкими преступлениями, на раскрытии которых можно сделать карьеру, а если быстрого и эффектного раскрытия не получается, то преступление вообще перестает его интересовать, и он, вместо того чтобы налаживать и координировать работу сыщиков, дабы довести дело до конца, бросает все силы на работу по новому преступлению, при этом еще и навязывает подчиненным версии, которые кажутся ему наиболее красивыми и яркими с точки зрения «паблисити», и тормозит работу по всем остальным версиям. И за все за это она, доблестный подполковник милиции Анастасия Павловна Каменская, никогда уважать своего нового начальника не будет.

И все-таки интересно, зачем она все это ему сказала? Он что, сам не знает, что когда-то спекулировал, прогуливал занятия в университете, пользовался шпаргалками и получал еле-еле натянутые троечки, а потом делал карьеру всеми доступными ему средствами? Знает прекрасно. Он что, не знал, что Каменской об этом известно, и она открыла ему глаза? Нет, конечно.

Все, Каменская, до дома осталось метров десять, за эти десять метров ты должна, ты просто обязана проговорить все до конца, хватит уже прятаться за видимость непонимания и задавать себе один и тот же вопрос: зачем да зачем? Все ты прекрасно понимаешь, ты отлично знаешь, зачем ты это сделала. Ну, давай же, набери побольше воздуха в грудь, зажмурься и скажи правду. Лучше вслух.

– Я хотела попробовать сделать то, чего никогда раньше не делала. Я никогда не вступала в открытый конфликт с начальством. Я никогда не говорила посторонним людям неприятных, более того – оскорбительных вещей. Мне хотелось убедиться, что я могу, если нужно будет, стать другой, измениться, тогда перспектива ухода на другую работу перестанет так сильно меня пугать. Я стремилась получить подтверждение того, что сорок один год – еще не конец жизни, не последняя точка в формировании характера и мировоззрения, что я могу изменить себя, если захочу. Частично это стремление проявилось в том, что в тот период я начала учиться готовить. Частично – в том, что я натворила в кабинете начальника. Но кулинарные тренировки ничего, кроме пользы, не принесли, а вот с начальником картина совсем другая. У меня была проблема, моя собственная проблема: страх перемен. И решать я должна была ее только за свой счет. А я стала решать ее за счет Афона, я обидела и оскорбила его. Мы не встречались с ним двадцать лет, за эти двадцать лет он стал совершенно другим человеком, он наверняка раскрыл немало сложных преступлений, иначе не сделал бы карьеру в розыске. Это в аппаратной работе можно добиться постов и званий лестью и подхалимажем, ловкостью маневра и интригами, а в розыске важен результат, а не милая улыбка. И вообще, каким бы ни был Афоня, будь он хоть сто раз карьерист, какое право я имею его оскорблять? Кто я такая, чтобы оценивать его и судить? Я поступила примерно так же, как Раскольников у Достоевского, у того тоже была сугубо личная проблема: проверить, тварь ли он дрожащая или право имеет,

и он эту проблему решил за счет старухи-процентщицы и ее беременной сестры. А вовсе не за счет внутреннего душевного и интеллектуального ресурса. Это неправильно. Более того, это гадко и недостойно. Я поступила плохо. И независимо от того, плохой или хороший человек мой начальник, я поступила отвратительно. По-детски, по-хулигански. Вот мальчишки бегают по лестнице и звонят во все двери, а потом прячутся. Мне тоже звонили, однажды я, помнится, жутко перепугалась, уж не помню, почему, какая там у меня была ситуация, но помню, что этот звонок в одиннадцать часов вечера вызвал у меня панику. Я уже лежала в постели, пришлось судорожно вскакивать, искать халат, я запуталась в тапочках, чуть не упала, с замиранием сердца открыла дверь, а там – никого. Господи, как я их ненавидела в тот момент, этих глупых мальчишек! А ведь они, в сущности, мало чем отличаются от меня. Им скучно, но это их внутренняя проблема, а они развлекают себя за счет беспокойства и нервирования совершенно посторонних людей.

Все. Крыльцо. Сердце колотится, голос дрожит. Кто утверждал, что говорить правду легко и приятно? Булгаков? Врал. Все писатели врут. Люди сами себе врут, потому что говорить правду трудно и больно. Особенно самому себе.

На крыльце Настя покачнулась, потеряла равновесие и едва устояла на здоровой правой ноге, ибо левая в подпорки после прогулки уже никак не годилась. Вот упала бы она сейчас, еще что-нибудь повредила бы и валялась на крыльце, пока кто-нибудь не придет на помощь. А кто? Кому она нужна? Да глупости все это, скоро медсестра придет, а в крайнем случае есть же мобильник, можно позвонить, и через час-полтора кто-нибудь появится – или Чистяков, или Паша Дюжин, или Селуянов, или Коротков, они все дорогу знают. Никакой катастрофы.

Она улыбнулась собственным мыслям и полезла в карман за ключами. Сейчас она пообедает, потом ей сделают массаж, потом она почитает что-нибудь приятное, а часиков в восемь примчится Коля Селуянов, она утром ему позвонила и сказала, что готова отчитаться о проделанной работе по изучению ежедневника Галины Васильевны Аничковой. Даже странно вспоминать, что всего три дня назад, в воскресенье, жизнь на даче Павла Дюжина казалась Насте невыносимой и тоскливой. Какая же она тоскливая, когда работы неуворот, что с убийством Аничковой, что с собственными проблемами! Тосковать некогда.

Да, в общем-то, и незачем.

* * *

К полудню ситуация с убийством Юлии Халиповой приобрела более или менее законченный вид. Выяснилось, что накануне вечером Юлия вместе со своим любовником Константином Федоровичем Островским была в гостях у знакомых, точнее – у знакомого, бывшего каскадера, когда-то много снимавшегося в фильмах Островского. Каскадер этот по имени Антон Кричевец показал, что гости приехали около десяти вечера, было много съедено и немало выпито, впрочем, Юля почти не пила, она была не в настроении, не то расстроена чем-то, не то встревожена, но ничего не объясняла. Предполагалось, что на обратном пути машину поведет она, посему Островский позволил себе выпить лишнего, а Юля, напротив, ограничилась всего несколькими глотками «Шабли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.